



СМЕНА

9

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Молодость — мир

Виссарион САЯНОВ

Молодость — праздник человеческой жизни, её самая светлая, самая счастливая пора. В юные годы формируется характер человека, начинает закладываться его воля, быстро развивается ум. Время выбора любимой профессии, пора, когда определяется жизненное призвание, годы первой любви, юношеской дружбы, высокие порывы, благородных мечтаний. Как! а ведь и прекрасна молодость, какие огромные просторы перед человеком открывает она в нашей Советской стране!

Забота о молодом поколении — характерная черта нашего советского образа жизни.

Мы знаем, как тяжело, бесперспективно, мучительно жизнь молодёжи в странах, где государственная власть находится в руках империалистов. Там, где правит денежный мешок, мы молодым — несчастье.

«Человек человеку — волк» — вот чудовищный закон капитализма, вот написанная заповедь столь рекламному продажному писанию американского образа жизни.

«Всё для человека, для его радости и счастья, для его мирного созидательного труда во славу Родины» — вот закон и заповедь советского гуманизма. Заботой о людях озарена вся наша жизнь.

Достаточно ознакомиться с историей одной человеческой жизни, с биографией великого советского человека, чтобы в малом почувствовать великое, чтобы в творческом труде рядового строителя увидеть то же, что радует и волнует нас в героическом подвиге миллионов.

Ещё до Октябрьской революции Максим Горький создал замечательное, гуманистическое произведение, вдохновенно рассказывающее о рождении человека, о счастье жизни. Помню, как в дни войны в блиндаже, в лесном краю, где искалиевшие снарядными осколками и ели, как инвалды, стояли на перепавших снарядном земле, старый солдат читал вслух своим товарищам этот незабываемый рассказ.

Перед внимательными, зачарованными слушателями вставали светлые воды горной реки, а глорный плеск морских волн, о котором говорил Горький, казалось, доносился из того тесного блиндажа, едва-едва освещённый светом керосиновой лампы, и заглушал шум пролетающих над передним краем снарядов.

И то, что происходило в далёком голодом 1892 году, когда никого из сидевших в блиндаже солдат ещё не было на свете, было так близко и понятно каждому слушателю. О великом счастье материнства, о силе материнской любви, о счастье жить рассказывал великий русский писатель, и каждое слово его навсегда врезалось в солдатскую память. До того, чтобы жить, строить, творить, чтобы создать всенародное счастье, мужественно сражались эти простые, неразговорчивые, загорелые люди.

«Новая жизнь земли русской, человек неизвестной судьбы дорог был всем: ведь некогда мысль возвращалась к родным бедням, к любимому отчому дому. И образ матери — самый высокий, самый благородный из всех существующих на земле — вставал перед солдатами, как живой, в чеканных и мудрых словах горьковской прозы.

«Шли — тихонько, иногда мать останавливалась, глубоко вздыхая, всматривая голову вверх, оглядываясь по сторонам, на море, на лес и горы, и потом заглядывая в лицо сыну — глаза её, несквозь проматые слезами страдания, снова были изумительно ясны, снова цвели и горели синим огнем несмершаемой любви».

В облике простой русской женщины вставал перед солдатами величественный образ Родины, с именем которой побеждали они в бесчисленных боях.

Чтение кончилось, а все ещё сидели вокруг тещи в глубоком молчании. Потом самый молодой из присутствующих сказал:

— А интересно, как на каком деле сложилась жизнь этого нового жилища земли русской? Кто-то отозвался:

— Известно, как! Рождения он был 1892 года, стало быть, в начале первой мировой войны ему было двадцать два года... Значит, призван был в армию — и спит где-нибудь на Карпатях или под Данинском в братской могиле.

И эти слова как-то удивительно ясно, потрясающе зримо показали всем нам трагедию поколений, которые обречены на смерть кровавыми поджигателями войн — миллиардерами и миллионерами.

Как изменить словами боль матери, взрастившей любимого сына и в самые лучшие, цветущие, молодые годы его жизни отдавшей любимца, когда он был в полном расцвете молодости и сил?

Дряхлый и потому ещё более жестокий капиталистический мир с особенной ненавистью относится к молодости и обречает её на жертву кровавому богу войны — доллару.

Молодость — самое дорогое для нас, советских людей, больше всего радующий нас рост юной, новой поколений солдатской и творческой. Не забыть никогда, как глубоко проявлялась высокая человечность советских людей в военные годы!

Помню день, когда наши войска вошли в столицу третьего рейха, которому фашистские негодумы предсказывали тысячелетнюю власть над землёй.

Едва вошли в город солдатские кухни, как выстроились в очередь поодиночке берлинские дети — и маленькие берлинцы были накормлены в тот день; со всеми поделился своим кошельком

пейком русский солдат — человек светлой души и великого сердца.

Когда мы видим сегодня на газетных полосах фотографии, показывающие маленьких корейцев, злодейски умерщвлённых, искалеченных, замученных американскими гангстерами из Чингиса и Нью-Йорка, из Кантуки и Набраси, мы особенно ясно чувствуем глубину морального падения американской армии. Молодость Корей, будущее талантливое, мужественное народа хотят быть трушновскими злодеями.

Но будущее убить нельзя!

С тех пор истории гласит, что поджигатели войны, посева ветер, покинут бурю.

За то пор, как первый американский агрессор вступил на корейскую землю, с того часа, когда первая бомба, брошенная американским лётчиком, разрушила здания корейского города, с той минуты, когда пролился кровь первого корейского ребёнка, убитого американскими выродками, — прошли не месяцы, прошли десятилетия, если верить считать на ходу часового машиниста, а по счёту истории. Народы мира возмущены за это время, окрестили идейно, поняли, что только могущее единство свободных людей, мирных людей во всём мире сможет предотвратить угрозу превращения нашей планеты в пылающую пороховую бочку.

С необычайным самоотвержением в передовых рядах движения сторонников мира идёт человечество.

Быть пущеным яском в угоду миллиардерам и миллионерам империи доллара — участь, которую приготовили молодёжи американские варвары.

Но нельзя решать судьбу народов без учёта воли самих народов. С каждым днём ясное становится для простых людей мира, что будущее принадлежит им, а не золотопыльным дельцам Уолл-стрит.

С великой надеждой, с глубокой верой простые люди всех народов и стран обращают свои взоры к высоким Башням Кремля, к Москве, названной на сотнях языков и наречий сердцем мира, к священной для всего человечества местам, где жил и трудился Ленин, где живёт и трудится Сталин.

Томас Сталина слышен во всём мире, и нет места на земном шаре, где в этот на призыв великого знаменосца мира не откликнулись бы новые и новые миллионы борцов за счастье народов.

В беседе с корреспондентом «Правды» товарищ Сталин сказал: «Мир будет сохранён и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. Война может стать неизбежной, если поджигателям войны удастся опутать дело народных массы, обмануть их и вовлечь их в новую мировую войну».

Руководствуясь указаниями товарища Сталина, люди доброй воли во всех странах ещё упорней и настойчивее ведут широкую кампанию за сохранение мира, против войны.

Каждый день приносит нам вести из далёких государств, с отдалённых континентов, с берегов северных морей и с южных архипелагов о новых победах движения сторонников мира.

Поджигателям войны всё труднее становится обмануть общественное мнение, и это особенно усиливает ярость трушновского ордена. Однако американские солдаты и войска сателлитов Америки, хлебнувшие горя в Корее, на собственной шкуре почувствовали, что такое испытания войны, и всё с меньшей охотой идут в бой.

Чем больше трудных испытаний выпадает на долю корейского народа, тем глубже сочувствие честных людей всех наций и герсонического народу, самоотверженно отстаивающему свою свободу и независимость, свои очар и будущее родной страны.

Молодость земли, счастье грядущих поколений будут сохранены, если широчайшие народные массы будут самоотверженно отстаивать дело мира.

Скоро в Берлине соберутся послыцы юностей и девушек всех стран земного шара на VIII Всемирный фестиваль демократичекой молодёжи. Это будет ещё одна мощная, внушительная демонстрация непоколебимой воли и решимости молодого поколения бороться за мир, за молодость, за счастье.

Жалки и смешны потуги американских империалистов на мировое господство. Молодость мира нельзя убить. Будущее принадлежит ей. Советская молодёжь, давшая человечеству Николая Островского, Зою Космодемьянскую, Валерию Чкалова, Пашу Ангелюну и многие тысячи других, столь же ярких, самобытных дарований, вышедших из самой толпы народной массы, показывает молодёжи всех наций пример самоотверженной борьбы за мир.

Молодёжь всего мира рукоплещет сегодня юношам и девушкам. Советский строительный и единой шеренге со всем народом свершили прекрасные и великие дела — подали: уже выполнили послесловный сталинский пятилетний план. Это их неограниченный вклад в дело мира!

Свет кремлёвских звёзд — мощный прожектор, озаряющий человечеству путь в грядущее завтра, и в ярком сиянии этого света встает перед нами образ мировой планеты, земли созидательного труда и творческого деяния, таковой, какой мы видим её сегодня в грандиозных сооружениях сталинского века — на великих стройках коммунизма!



Иосиф Виссарионович Сталин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 9. 1951 год.

Год
издания
28-й

ПЕРВОМАЙ

Там с незапамятных времён
В России повелось,
Что в каждый праздник на поклон
К друзьям приходит гость.
И за столами в этот час
Гостям почёт и честь...
Но перед праздником у нас
Другой обычай есть.
Его не знали в старину
Ни прадед мой, ни дед.
Он и нам в Советскую страну
Привнёс в строю побед,
Он с нашей молодостью слит,
Корнями в юность врос.
Он, как хозяин, входит в быт,
В повестку — как вопрос.
Он прочно вник в каждый дом,
В строительная огни,
Обычай чествовать трудом
Торжественные дни.

Гремит и мчится поездка
В сверкающую даль.
И в дождях плавится руда,
Чтоб превратиться в сталь.
Шахтёр спускается в забой,
Выветит лёгкий туман.
И праздник входит трудовой
Привычно в нашу жизнь.
Он входит в планы наших дней,
Он слава и мечта.
Ему, как совети своей,
Сделаем мы рапорт.
Я верю планам и мечтам,
Они сегодня —
жизнь.
Ведь каждый праздник
служит нам
В борьбе за коммунизм!

Виктор БЕКЕТОВ

Евгений ГАБРИЛОВИЧ

Огни

Рассказ

Рисунок А. Лурье

1

Был уже поздний час, когда Сеня Жмелков, заведующий сельхозотделом областной газеты, подошёл к полемому стану третьей бригады большого колхоза «Путь». Стояла тёплая весенняя ночь, шли вторые сутки массовой уборки пшеницы. В степи светились огни. Справа, где в пятнадцати километрах находился завод-гигант «Югосталь», небо было окрашено сумтным заревом. Внизу, под холмом, шумела река: здесь когда-то были пороги; теперь, после сооружения большой плотины, эти пороги ушли под воду, и всё же река продолжала шуметь и бурчать, омывая острые отвесные берега, словно не в силах была усмирить тысячелетнюю привычку гневно, с ревом пробегать по этим местам. Слева тоже мигали огни — узловая железнодорожная станция. Поезда бежали в ночи: с севера шли танки, лес, машины, с юга на север — уголь и сталь.

Дверь с прищипанными к ней объявлениями правления и бригадира вела в коридор, по обе стороны которого находились комнаты общежития. В глубине стана — контора: письменный стол, шкаф, степенгазета, опять объявления (те же, что и на двери) и поласовый телефон, соединяющий контору с полевыми конторами других бригад, с правлением колхоза, с директором МТС. На полочке у истока раскрытого окна сидел дежурный, всосматривавший Колю Ветюхина.

— А, товарищ корреспондент! — приветствовал он вошедшего Жмелкова. — Поздновато сегодня... Откуда?

— Из механических мастерских, — сказала Сеня, отирая платком лоб. — Рапортичка готова?

— Коля противил рапортичку. Сеня списал несколько цифр в блокнот.

— Кто там у вас сидит на скамейке? — спросил он, пряча карандаш и блокнот.

— Где?

— Какую девушку... На скамейке, возле веранды.

— Смейся, — сказала Ветюхин. — Бригаду прислали из «Югостали» на всю уборочную. Они наши шёфы.

— Ну, ладно! — Сеня надела фуражку. — Добро. Дежурь.

Он вышел из стана. Ночь после света показавшаяся ещё темней. Звёзды, пышно рассыпанные над головой, спускались по небесному своду, и нельзя было отыскать, где кончатся звёзды и начинаются земные огни. На скамье поперекнему неподвижно сидела девушка маленькая, с гладкой причёской, в синем рабочем комбинезоне.

Сеня сел на скамью, закурил.

— Давайте знакомиться, — сказал он. — Жмелков, журналист.

— Варя.

Пожавла, она была несколько более высокого роста, чем это показало ему сначала. Этого то отдалённо знакомое померещилось вдруг Сене в её чертах. Впрочем, так часто кажется в темноте, при сиреневом свете звёзд.

Смутное зарево над «Югосталью» заколыхалось и заиграло, начало пухнуть, наливаться багровыми красками.

— Чугун пошёл, — произнесла Варя нетерпимо.

— Чугун, — повторила Жмелков.

Закриптели ступени веранды. Коля Ветюхин сбёжал со ступенек и остановился, глядя на небо.

— Эк вывезли! — сказала она. — Звёзд-то, звёзд... Вон тот огонёк, не поймаешь — на земле или в небе... Д-да! Девушка, вы читаете любите?

Варя даже плечами поведла от неожиданности.

— Читала «Войну и мир»?

— Читала.

— Кто вам там больше всех нравится?

— Наташа.

— А мне Кутузов, — сказал Ветюхин. — Кутузов и старый Болконский. Что в ней хорошего, в вашей Наташе? Возьмём хотя бы в разрез любви. Сначала любила Бориса, потом Андрея, потом Анатолия, а после она пришла к Андрею и поцеловала ему руку. Это вам нравится?

— И что ж?

— Ну-ну! — проговорил огорчённо Коля. — Вот это да!.. Вот это шёфы! Ну, шёфы!

Завылый, телефонный, и Коля, бормоча и недовольно отодвигаясь на Варю, ушёл.

Короткая ночь была на исходе. Баизалося время рассвета, но всё так же светили звёзды, и всё так же от края до края степи, то россыпью, то в одиночку, горели тёплые летние ночные огни. Сеня взглянула на Варю, и снова ему показало, что он её где-то видел. Ей можно было дать лет двенадцать, ну, двадцать. Бусы из милового стекла, колечко на левом мизинце. Всё молодое и наивно — и эти слова о Наташе, и этот белый воротничок на комбинезоне, и эти косички с синими лентами вокруг головы.

— Послушайте, Варя, — сказала Жмелков, — поглядите-ка на меня. Мне кажется, что мы с вами где-то встречались. Она спокойно повернула голову. Даже при свете звёзд Сеня сразу увидела, что ей больше аист, чем он предположил.

— Нет, — сказала она, — я вас не знаю.

— И всё-таки я вас где-то видел!

Начал светлеть восток. Чернота южной ночи теряла свою плотность и глубину, будто кто-то пошевелил и не спеша сдвинул эту черноту лёгкими, миглыми взмахами кисти. Вот только что там, с края неба, дрожала, как капля, звезда, и уже нет её, уже растерялась в неясной оранжевой дымке. Меркали огни в степи.

— Хо-ро-шо!.. — Сеня потянулся всем телом, как бы подставляя грудь под последние звёздные брызги. — Хо-ро-шо! Прощай, стогны!.. Значит, — обратился он к Варе, — только тот, кто был на войне, может по-настоящему чувствовать силу этих ночных огней.

Девушка снова подняла на Жмелкова глаза.

— Вам это трудно понять, — продолжала она, — а мне ещё трудней объяснить, но для тех, кто был на войне, ночные огни — это мир.

— Почему мне трудно понять? Я была на войне, — спокойно сказала Варя.

Он с изумлением посмотрел на неё:

— Вы были в армии?

— Да.

Он продолжал изумлённо глядеть на неё, на этот белый воротничок, на эти косички с синими лентами, отсвечивающего в далёкую смутную память, стал вырисовываться перед ним, сначала мед-

— Вы видите, — сказал Сеня, — значит, мы всё-таки с вами встречались.

слушала, кивала головой и смотрела на Сеню круглыми сквозь очки глазами, как бы говоря: «Терпение! Я сначала всё выслушаю, а потом расскажу... Терпение!»

— Вкратце, суммарно, — сказал наконец Усков, начиная свой перевод. — Полковник свидетельствует вам, товарищ капитан, своё почтение и поздравляет нас с победой. Он надеется, что ваше здоровье и самочувствие не пугают никаких тревог, равно как здоровье и душевное самочувствие ваших родных и друзей. Он говорит, что они, четверо американских офицеров, взятые немцами в плен в Арденнах, были помещены в лагерь, где с ними обращались недружелюбно. Так вот ещё в лагере они поладились с собой жёсткую радость по поводу состоявшегося знакомства с вами и вашими офицерами, а также искреннюю и весьма ободряющую признательность к вам.

Наступило молчание. Слышно было, как тикают каминные часы бывшего владельца наугеников и касетов: часы были сделаны в форме лёгкой, стреляющей, устремлённой ввысь готической башни с двумя фигурками часовых-осеросцев у подножья.

Высказано заговорил высокий немец. Он говорил быстро, сняв тирольскую шляпку с пером, перебирая пояс, указывая на свою шею и обращаясь то к Сене, то к американцам. А другой немец слушал, испуганно глядя на него, безмолвно повторяя губами его слова, маляньский, горбятый, в дырявых ботинках, наполовину прикрытых длинным дождевиком. Высокий окончил, вытер ладонью пот со лба, протёр очки и надел тирольскую шляпку. А горбятый ещё шевелил губами, как бы не успев безмолвно повторить всё за высоким.

Усков перевёл:

— Он говорит, что он приказчик мануфактурного магазина, а это его сосед, столяр. Когда русские подошли к Берлину, Гейбеле забрал его в лагерь. Он сидел с пулемётом на Копенбург-штрассе, на крыше, и должен был защищать подходы в центр города. Он говорит, что пробыл там четыре дня и три ночи, пока не начала бить тяжёлая русская артиллерия. Тогда он спустился с крыши и ушёл в Темпельгоф, к своему тестю, где прятались его дети и жена. Здесь он прожил неделю, питаясь картофельным супом и огурцами. Когда с Гитлером — да горит он в адовом огне! — было покончено, он решил пробраться обратно в город, посмотреть, что с квартирой. На улице, недалеко от дворца, он встретил вот этого столяра, своего соседа, и они решили немного выпить. Спирт был у столяра, и с помощью вымы из канавы они сделали себе нехороший шнапс. Они зашли в первую попавшуюся пустую квартиру. Едва они сели за стол и выпили кружку, как поливались вот эти американцы * стали их вешать. Он говорит, что их бы повесили, но господин бог и святая Мария надоумили их громко кричать. На крик пришла эта фея-ледей в шнеле и освободила их. Они так и не поняли со столяром, за что их хотели повесить.

— Переведите американца, — сказала Сенья Ускову.

Усков выполнил приказание.

— Простите, мой юный друг, — ответил Ускову полковник, — но я беру на себя смелость заметить (при всём моём чрезвычайном почтении к капитану и к вам), что вы не совсем уснили

себе значение моих слов. Приказчик он или водовоз, столяр он или старьевщик, сидел он на крыше или не сидел, скрывался его жена в Темпельгофе или в Нойкеальне, — нам всё равно. Мы будем ходить по городу и убивать немцев. Мы даём друг другу слово и несем его, и мы его выполним, будь это не только приказчик, но даже сам хозяин мануфактурного магазина.

— Но как можно ни с того, ни с сего убивать людей? — возразил Усков.

Полковник учтиво ответил:

— Можно или нельзя, ахил или не ахил, — мы будем их вешать, мой дорогой лейтенант, пока сочтём это нужным.

— Однако, если на то пошло, так война кончена! — Усков начинал горячиться. — Подписана капитуляция. Довольно пролито крови.

— Друг мой! — любезно сказала полковник. — Вудучи старше вас опытом и годами, я душевно советую вам (видя ваши достоинства и понимая, что со временем они несомненно возрастут), я позволяю себе советовать вам всегда сдержанности, которой подчиняется джентльмен. Офицеры (простите, что я это говорю такому отличному офицеру, как вы) присутствуют споконья. Кончена война или не кончена, подписана капитуляция или не подписана, много пролито крови или мало...

— О чём он? — спросил Сенья Ускова, перебив полковника.

Усков перевёл:

Автоматчик в дверях досадливо крикнул и отвернулся. Опять наступило молчание. Оба вторых лейтенанта курили, держа сигареты большим и указательным пальцами.

Сенья, раздумывая, как поступить при столь непредвиденных обстоятельствах, глядела в окно.

Перед ним в дым, в пелас, со взорванными туннелями метро, разбитыми вывесками, закопчённым кирпичом, забаррикадованными улицами, рухнувшими домами, лежал город, породивший фашистскую смерть, вскрывший её кровью и горем и выпустивший на волю. Как долго шли сюда наши ахил, чтобы убить эту смерть! Всё видели наши ахил в пути, всё видели, всё испытывали, по-разному жили, надеялись, горевали, вспоминали о близких, писали письма. И прошли весь путь до конца, до Берлина.

«Вперёд, на Берлин!» Да, Сенья повидала эту надпись за четыре года войны! Он видел её на кабинках автомашин среди украинских полсоланчиков, томных зноём, от которого чешные трещины шли по полам и дым казался тяжёлым, проникающим в складки одежды, как пыль. Она была на стенах польских домов, на маляньских улицах, где в окнах лавочек виднелись рекламные швейных машин, дамских шляп, игрушек, гвоздей и укусов; на придорожных рынках столах среди Беловежской пуши; над развалинами Варшавы, где струи рыцарей валились на тротуарах и где людские подшопы пролазили среди битого кирпича изнывшие бурные тропы. И он помнил те же надписи, прошедшие тысячи километров, в ночь последнего штурма, когда вешники артиллерийских залпов были такой частоты, что свет их озарял облака и, отражаясь, падал вниз, выдирая из темноты чёрно-зелёные контуры зданий того самого города, который и был наконец Берлином.

И вот перед ним Берлин. Этот дом и окно — Берлин. Это небо — Берлин. Это солнце и воздух — жизнь, мир.

— Да что разговаривать! — вдруг громко сказала Варя. — Мир, а они людей убивают. Война кончилась, а они...

— Товарищ сержант! — строго прервал её Сенья.



Но она продолжала, не слыша Сени, не очень связано, поблещив, указывая на немцев, которые испуганно глядели на неё: Что это-то ему делают! Пусть скажет, что? Живёт себе человек и живёт и радуется, что Илья воевал, чтобы человека жить... А они...

— Товарищ сержант! Я не давал вам разрешения говорить! — Есть не давал разрешения говорить! — Варя выткнулась и отдала Сене честь. — Заверь они... Мир, а они... Эх!

Когда Варя начала говорить, американцы устали на неё. Едва Варя умолкла, как полковник вежливо запросил перевода. Усков озадаченно разглядел, что всё это не имеет существенного отношения к делу. Полковник утихив наставала. Тогда Усков передал общий смысл варинных слов, опустив характеристики и детали.

— Варинши чрезвычайно нервно, — сказала полковник, покалывая, чуть-чуть суховато, — дайте ей капелюк от нервов или конфету и отправьте в коледж «Танцы и Добродетель». Боюсь, что ей сядет выращивать артишоки, а не воевать. «Мир, человек, рисунок пудинг, истерика» — корректно подтрунивал он, — еска у вас все солдаты такие, как эта девушка, с вами легко воевать, господа капитан.

— Однако конец, господа! — Сения встал. — Я передам вас в штаб полка для дальнейшего препровождения. Прошу следовать за лейтенантом.

Полковник тоже поднимаясь и приложив ладонь к плечу.

— В штаб или в монастырь — сказал он, может быть, ещё чуть-чуть суше, — команданту или в воскресную школу, мы будем десерсировать эту страну, как сотём нужным. Мы втолкуем ей, кто у неё хозяин. И мы в Штабах (да простится мне это напоминание) достаточно много вколотили в войну, чтобы сами решать, когда здесь будет смерть, а когда — катехизис. Это так же верно, господа капитан, как то, что я желаю вам доброго утра и всевозможных успехов.

Остальные американцы тоже приложили ладони к плечам и направились к выходу, сопровождаясь Усковым.

Через полчаса Сения, окончив работу, вышла в город. Справа от Бранденбургских ворот ещё дымилась гостиница «Азонт-Сасва», сквозь рухнувшие стены, выдвигались аппараты французского посольства с изысканной мебелью, повиснувшей между этажами. По широкой тиргартеновской аллее шли наши танки и автомобили. Побойке к роше дилгались наша пехота. Лошадки с поморными бирками в зловещей танковой повозке, гружённые солдатскими судачками и имуществом ротных канцелярий. В самой роше пришедшая только что в Бералин стрелковая рота расположилась — на обед. Один из солдат, сидя возле походной кухни, молча читал дивизионную газету.

— Ну и как? — спросила его дружок.

— Победа! — ответила стрелок и скомкала газету.

Он встал, оглядывая площадь и улицы.

— Дымит! — сказала он про пожары. — И чего немцы сматрывают? Воевать кончили, — значит, надо пожары тушить. Пора жить начинать. Людям жить надо.

Сения сидела тут солдаты тоже огайдались, вокруг. Огонь немцевых пятами играл на их шинелях, сапогах, покрытых комками засохшей дорожной грязи. И тот, кто знал фронт, увидел бы вдруг с поразительной ясностью весь зной, холод, окопы, землянки, оставшиеся у них позади, все раны, невзгоды, всю огненную тяжесть войны, которую они приняли на себя.

— Еска у вас все так же, как эта девушка, — пошутил друг Сения, вспоминая сегодняшний спор жизни со смертью. — Ну, что, Сения, сказал он себе, — мы такие и есть. И эта девушка, и Усков, и мой автоматчик, и эти солдаты. А воевать с нами от этого труднее, а не легче.

3

И вот Сения сидела теперь рядом с Варей во дворе полевого стана, среди розовой от янгола солнца тени. Ночь была, стало лидно, откуда свемались её огни: там депо, здесь палатки дорожных воявич, на рошней излучине пристань, за ней МТС, вперёд, ближе к стану, сарай, топи... Вон и тот огонёк, что казался ночью звездой, — пост телемощи на шоссе, на самой вершине холма.

Сасяры — крикнула в окошко Варя Коля Ветхонин. — Вызов! На улице Манькиной, срочно!

Варя встала, протянула Жельмевскую руку, повязавшую лентой палаточком, села на велосипед и уехала.

Через пять минут Сения, записав последние данные о ходе уборки, отправился на попутном грузовике в правление, к телефону.

Приехавши он встретил Игната Фролова, бригадир рабочих, приехавших из «Югостали». Фролов был очень хорошо знаком.

— Игнат, — спросил Сения, — есть у вас здесь такой сасяры Варя, не знаю фамилии?

— Есть такой сасяры Варя. А что?

— Мы с ней знакомы. Она, оказывается, воевала.

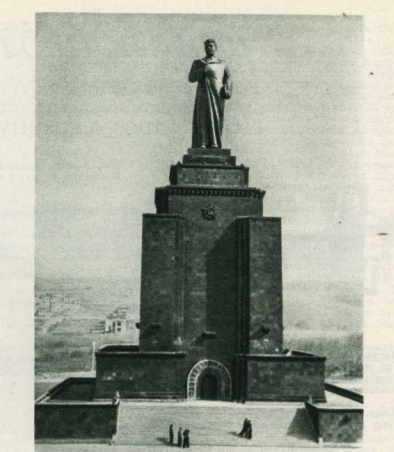
— Вое-ва-ла! — переспрашива бригадир Сению. — Ишь ты! Да это Варя Кропниина!

— Какая Кропниина?

— Какая! Та самая. Партизанка. Которая взорвала гитлеровское офицерское кафе в Брянске. Поминишь?

— Варя Кропниина? — переспрашива в изумлении Сения. — Неужели это Варя Кропниина?

— А кто же Она... Потом, от Днепра, армейским разведчиком. Одинадцать переходов через линию фронта. Два ордена Красного Знамени. А ты — «вое-ва-ла». Эх, ты!



Монумент «И. В. Сталин» в Ереване.
Стар — лауреаты Сталинской премии
С. Д. Меркуров и Р. С. Исраелян.

ОБРАЗ ВОЖДЯ

Ереван ныне узнаётся надалека. Когда только ещё возмужавешь к городу, уже видишь на самой высокой точке холма, поднимавшегося над столицей Армении, строгий контур величественного сооружения.

Будто одна из гордых вершин наивысших гор, вознеслась высвет мотушк монумент. На огромном высоте в двенадцатитысячном виде, поставленном на армянского туфа стоит отлитый из меди фигура вождя. Вожда в шинели полководца, в левой его руке военная фуражка, на плечах высечены орден «Ербод» и эмблемы разных родов воинов — монумент был задуман ещё в дни окончания Великой Отечественной войны, победы советского народа, одержанной благодаря сталинскому генеру.

Препознано это сооружение в строгих, сдержанных его линиях видится выражением величия чести советского народа — его миссии и спокойствия, его уверенности, его самолюбия. Всё в этом выдающемся произведении искусства исполнено точного чувства меры, полно гармонии. В нём величественно без тавтологичности, строгость без тавтологичности, строгость без тавтологичности, строгость без тавтологичности.

Вдохновенные художники создали этот не имеющий себе равных архитектурно-скульптурный ансамбль. Его авторы — народный художник СССР скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров, давно уже работавший на скульптурном образе И. В. Сталина, и ереванский архитектор Рафаэл Сергеевич Исраелян.

Осенью прошлого года, в день 30-летия Армянской республики, в присутствии десятка тысяч людей, собравшихся на торжественный митинг, состоялось открытие монумента. С тех пор эта площадь да парком Погода — площадь у монумента — стала излюбленным местом ереванцев. Сюда приходят, чтобы взглянуть на величие, чтобы взглянуть на величие, чтобы взглянуть на величие.

Воскресный день у монумента собралась группа молодежи. Об-

щения даёт один из авторов монумента — Р. С. Исраелян.

Архитектор рассказывает, как рождалось художественное решение задуманного монумента, как за короткое время — за месяцы — было выстроено это большое и сложное сооружение, с каким энтузиазмом работали здесь строители. Рассказал архитектор и о немалом количестве из селения Хост Левон Мелконян, который специально приехал в Ереван, чтобы принять участие в строительстве монумента; о старом мастере Граве Степаняне, рошине по серебру. Граве Мелконян и Степаняна высечены на монументе по красоте народные орнаменты. С интересом слушают молодые ереванцы рассказ о музее, который сооружается сейчас внутри помещения. Помещение этого музея. В нём будут размещены в три яруса залы музея, тысячи экспонатов которого поведают о деятельности величайшего человека всех времён и народов — о вожде Сталине.

Молодёжь долго не отпускает архитектора. Спрашивают о том, как преобразился район Еревана, соседствующий с монументом, как будет архитектурно улаживаться и с этим ансамблем. Студент-строитель Мартун Тамирагян рассказывает о технических новшествах, применённых при возведении монумента, немаломо Лаура Мелконян — о творческой работе архитектора с выдающимся скульптором С. Д. Меркуровым, которого ереванцы знают ещё и по его замечательному памятнику И. В. Ленину, установленному на центральной площади столицы Армении.

— Архитектор ушёл, а молодёжь всё добывает прекрасным сооружением, возведённым армянским народом в знак благодарности к своему лучшему другу и учителю.

Монументальное произведение советского искусства, созданное в Ереване. Им гордится вся Армения, с радостью встречающая вест, о почитании его данными С. Д. Меркуров и Р. С. Исраелян Сталинской премии первой степени.

И. АГРАНОВСКИЙ

СТИХИ ПОЭТОВ УКРАИНЫ

Иван НЕХОДА

Мих. ВЛАДИМОВ

Песня про Украину

Здесь была
граница...

Нас Ленин великий сплотил воедино
И Сталин великий к победам ведёт.

Врагу не корились ни Днепр,
ли Карпаты,
Веками боролись за волю свою.
Навеки ты с русским сдружилась братом
И счастье добыла в бою.

Советских народов могущество, славу
В труде умоляют Отчизны сыны.
В боях отстаюм мы нашу Державу,
Идём против новой войны!

Живи, Украина, цвети, Украина,
Союз наш Советский — твой верный оплот!
Нас Ленин великий сплотил воедино
И Сталин великий к победам ведёт.

Перевёл с украинского
Григ. ЛИТВАК



Могучей и славной, меж равными равной
Над гордым раздолом Днепра и Днестра
Растёт Украина, цветёт Украина —
Советских республик сестра!

Живи, Украина, цвети, Украина,
Союз наш Советский — твой верный оплот!

Молдавский тракт навстречу мчит нам.
Рубеж страны здесь раньше был.
Теперь здесь вместо пограничных
Высококаменные столбы.

— Вот здесь когда-то шла граница...
— Где? Ты точнее покажи!
Быть может, по морю пшеницы,
Что засеет без межи?

— Нет!
— Может быть, она лежала
По этой лесополосе?
— Нет! Прежде даже не бывало
Посадок по округе всей.



Пётр ВОРОНЬКО

Мои друзья

Хорошие друзья
В нужде и в негуде...
В трущобах Нарже,
В трущобах Детройта
Ищут жилища,
Ищут работы.

Пингви им шьют,
Автоматы куёт.
Но друзья мои не хотят воевать,
Но друзья мои не хотят
Умирать.

Их очи горят,
Их слово искрится:
— Хотим мы работать,
Хотим мы учиться.
Нам не надо войны,
Жить хотим, как в России.
Мы надеждой полны,
Растут наши силы!

Идут мои друзья
В парижской округе,
В Лондоне туманном
И за океаном
В дымящем Детройте
В первом ряду на мирном
Фронте.
На мирном фронте
Первые горинисты.
Они — комсомольцы,
Они — коммунисты.

Перевёл Н. ГЛАЖКОВ



У меня есть друзья,
Хорошие друзья,
В парижской округе
Живут мои друзья,
В Лондоне туманном
И за океаном
В дымящем Детройте.
Вместе сражались на фронте
В огне.

Они говорили мне:
— Счастливы ты, друже,
Счастливы джуж:
Война прекратится —
Поедешь домой
Работать, учиться.
А наш путь другой,
А мы...

Светились их очи из тьмы,
Их кинье очи...
Их кинье очи
Мне сияют из ночи.
Их рукопожатия
Горят на руке.
Живут мои братья
Вдалеке,
За морем.

Сердца их наполнены горем.
Живут мои друзья,



— Тогда, наверно, по каналу?
— Нет! Год назад канап прорыл.
А раньше жадной степь страдала,
Мне мой попутчик говорит.

А грузовик всё дальше мчится.
— Так что ж ты, милый старожил,
Не помнишь, где была граница?
А он смеётся:
— Да. Забыл.
«Забыл» — и в этом слове гордость:
Не только посреди степей
Граница вековая стёрта,
Но даже в памяти людей!

Николай ШАПОВАЛ

Легенда о «Правде»

За год семнадцатый, грозный год,
Газету «Правда» я нашёл в музее.
Мухомовцы её хранили с нею
Дышалося легче в годы злых невзгод.
О ней легенда сложена:

впервые
Её принёс за пазухой сюда
Простой солдат из блиндажей России.
Через долины, сёла, города
Пришла она к края Карпат лесные.
Она здесь заходила в каждый двор,
Селенья посетила все и нивы,
Внимала невесёлой песне гор
И в сердце берегла её мотивы.
Она путь-дорогу обошла,
В колыбях¹ у гуцулов побывала;
Где падала далёких гроз стрела,
— Детей пугал неясный гул обвала.
— Толкают люди: где она прошла,
— Великой правды зёрна прорастали,
Рожь поднялась, исполнена толла,
В садах плоды сочной и слаще стали;
И камня окровавленных полей
Самился в необозримые просторы,
Топор запад в дубравах веселел,
О счастье песни затихли горы.
Шумит молва: хозингом здесь стал
Солдат, вчера батрачливший, который
Родную «Правду» зорко охранял.
В семнадцатом её принёс он в горы.

Авторизованный перевод с украинского
Марка ШЕХТЕРА

¹ Шалашки.

Острые и скандное волнение оккупит вас значительно раньше, чем вы попадете в этот весёлый степной городок, приоткрывшийся на днепровском берегу. И в памяти вашей неизбежно всплывут знакомые, странные прошлого, смысл которого точно и верно выражен в словах песни, посвящённой Каховке: «Этапы большого пути...»

Город-памятник. Город-песня. Но о минувшем вам долго не придётся размышлять. Поступают к Каховке сейчас напоминая фронтные дороги перед крупным наступлением. День и ночь направляет парит несобойное оживление на дорогах, ведущих, как здесь принято говорить, «на стройку». Спешат крытые брезентом грузовики со станками, ценным оборудованием, инструментами, идут неуклюжие самосвалы, груженные кирпичом, щебёнкой, известью. С азанием и грохотом, точно тяжёлые танки, движутся тракторы с длинными прицепами, а на них — горы леса или пирамиды, составленные из частей стандартных разборных домиков.

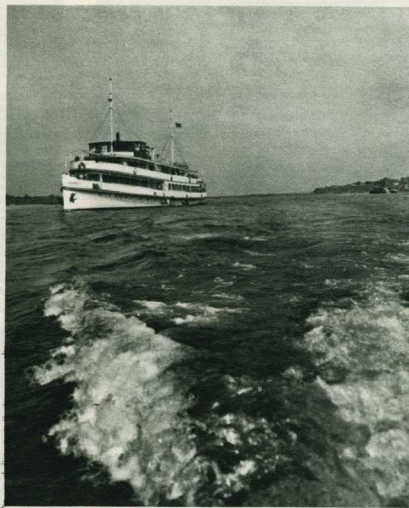
— Эту ложбину видите? — спрашивает нас шофёр массивной «платитонки», парень в меховой шапке, надетой на затылок, комсомолец Сергей Коваленко. — Сейчас мы через неё смело путь держим, а дней тринадцать назад неприятность у меня тут вышла: завязла машина. Поверите, всю войну снаряды и мины на перекрестке возла и не попала в такой просак. Вокруг ни души, степь, а груз, сами понимаете, государственной важности: асбест для буровых вышек. И от застыти чуть не палучу: на всю жизнь пятно ляжет на мою биографию, если груз в Каховку к сроку не доставлю. Вдруг салуку голоса, откликнулся ядов. Обрадовался, бегу им навстречу: «Вызрываете, голубчики, подобосте машину вытолкнуть, подвезу вас в любом направлении.» А мне в ответ: «А нас подвозить, мля человек, и не надобно. Мы тут рядышком бригады на дороге কাজ, день выдоем. Через пару лет тут шоссе, асфальт будет, а пока дороги ремонтировать надо, громно мы заинтересованы в этом, для нас же платины дедают. Зема-то в нашем кохозе не орошается, да и то мы по денгам пентнеров халва с гестара снимаем. Можно сказать, без воды миллионграмм стали. А когда вода днепровская к нам придет, представляешь, что за жизнь у нас будет?!»

Прощаясь с нами, водитель не без гордости сказал:

— Как видите, мы, шоферы, не последний роль на стройке играем!

И это верно. Перенесёшь, читатель, мысленно на днепровские берега, где раскинулось Каховка. Железнодорожную ветку сюда подвезли только через год. Днепр с декабря скован льдом. Вот и представляете, что падает на плечи каховских шофёров. Сколько сотен тысяч рейсов должны будут они сделать за эти годы, пока будет построен городок с жилыми домами, школами, клубами, детскими яслями, больницами, столовыми! Объём всех этих зданий составит 1200 тысяч кубометров. Кроме того тут будут построены десятки вспомогательных предприятий: огромный бетонный завод, ремонтно-механический, авторемонтный, кирпичный и черепичный заводы, лесокombинат...

Недаром Василий Игнатьевич Дудин, партгор Каховской школы шофёров,



Владимир ЛЯСКОВСКИЙ

КАХОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

вет. — Куда угодно пойду. Всякий труд здесь почитается.

Вначале парнишка смутно представлял себе новую работу. Старший буровой мастер Михаил Васильевич Карабаш пояснил ему все премудрости не лёгкого ремесла. Бурить приходилось в любую погоду.

— А иначе нельзя, Николай, — говорил мастер. — Мы с тобой, брат, разведчики недр. А без разведки скражение никогда не начинается. Очень многое от нас с тобой, Кубышкин, зависит...

И юноша забывал про усталость, не замечал холодного, порывистого ветра. Где только не появлялись их вышки! «Шурум-гурум!», — часто повторял мастер. Всякий день, неважно, когда замерз Днепр, каховчане увидели необычное зрелище: вышки на льду. Бурный грунт прямо через ледяной покров. А недавно Михаил Игнатьевич поздравил своего подручного:

— Буренгем ты, Николай, овладел не только мастером...

Великолепно работают и буровые бригады Потапова, Невиданого, Киреева, Солонченко.

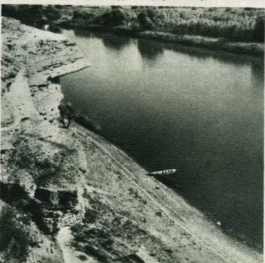
У строителей Каховского гидроузла большое событие: пришло важное письмо из Кубышевца. Волжане зывывали на социалистическое соревнование. Вызов обсуждался на общем собрании рабочих.

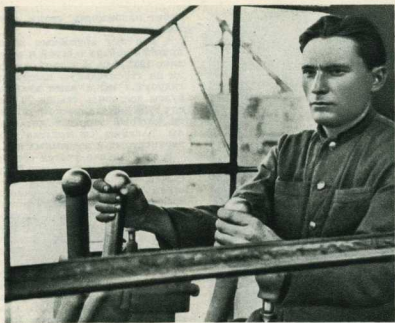
— Что ответим? — Вызов принимаем! — раздались голоса. Каховка — Кубышев. Две великие стройки коммунизма. Два паидарма для борьбы с засухой, с чёрными бурями.

Не отстанет от кубышевцев — задорно говорит штукатуру Марин Парамоненко.

К её голосу в Каховке прислушиваются. Ещё бы! Эта русоволосая девушка прошла авторитетную школу: она приехала сюда с Днепрострой. И если она приехала своим подругам: «А на Днепрострой мы поступали вот так», — девушки воспринимали это как пароль: делать быстро, красиво, прочно, добротно.

Здесь, на правом берегу Днепра, будет сооружена мощная гидроэлектростанция.





Со всех концов Советского Союза идут в Каховку строительные материалы и механизмы. На с н и м к: один из лучших крановиков Херсонского порта, И. Кучеренко, за погрузкой материалов для Каховской стройки.

Одесский художник Алексей Попов, посетивший Каховку, написал портрет боевой комсомолки. Он запечатлел её помыслы, устремлённую вперёд, с открытым, волевым лицом, с ясным и решительным взглядом. Правдивый портрет. Именно такой её знают подруги Гуминова, Рыкова, Сергеева, такой она предстанет и перед вами. Её всё всегда сможет заставить на одном из строящихся домов Каховки. О её безупречном мастерстве знают не только здесь. Недавно она получила письмо от знатного штукатура «Куйбышевгидрострой» Клавдии Емельяновой. Мария ответила ей: «Чести не уроним. Марки Днепростроя не опозорим. Постараемся сделать так, чтобы страна гордилась Каховской ГЭС так же, как и Днепростроем».

Этим высоким чувством гордости за свою стройку живут и члены бригады плотников, которую возглавляет коммунист Никита Рузненко. Интересен состав бригады: Виктор Петрашкевич — из Запорожья, Георгий Бабушкин — из Подмосквы, Николай Лагунов — из Белоруссии, Павел Жигаловский — из Львова. Ждут они дружно, спаянно, работают споро, с тем хороним азартом, какой бывает у людей, охваченных стремлением каждый день радовать родное производство высокой выработкой, отличным качеством.

— А как у вас с планом?
Бригадир плотников на секунду задумывается, а потом, чуть улыбнувшись, замечает:
— У наших хлопцев свой понятие о плане.
— Какое?
— План для того и даётся, чтоб его перепрыгнуть. Верно я говорю?
Правильно! — поддерживают бригадир товарищи. — С любым планом справимся.
— А качество?

Молчание. Взгляд бригадира словно говорит: «Спросите об этом лучше у народа. Работает на виду. Десяти домов сала, и никаких претензий не было...»

Приехавший в Каховку больше всего поражает темпы. Вчера ещё там, за холмом, простирался пустырь, а сегодня — оживление, шумят машины, и буквально, как в сказке, вырастают дома — один, второй, пятый.

Характерная деталь: вы не найдёте стройки, где бы не было подъёмных крана, транспортера. Стройматериалы поднимаются грузоподъемниками-самосвалами.

Здесь царство механизмов. Вникайтесь в скупые строки диспетчерского журнала, и вы без труда нарисуете себе завтрашний день великой стройки:

«Из Днепропетровска и Горького прибыло 50 автомашин-самосвалов. Доставлен лесоматериал — тысяча кубометров. Из Одессы поступило две тысячи кубометров рубероида. Давать автокранов получены из Запорожья, тридцать разборных домиков из Белоруссии...»

Ещё записи:
«Из Николая — баржа с кирпичом и автокранами. Из Одессы — ленточные транспортеры, пять экскаваторов. Из западных областей Украины — тысяча кубометров леса. Из Брянска — разборные домики... Доставлены экскаваторы и землесосы... Грузовики-самосвалы, транспортеры, подъёмные краны, моторы, станки токарные, растворносаосы, краскопульты, грейдер-засеяловы...»

Нескопачаемым потоком идут на берег Днепра драгоценные грузы. Родина богато оснащает строительство Каховской ГЭС первоклассной отечественной техникой.

Нам запомнилась фраза экскаваторщика Николая Колпачука:
— Это — только начало. Вроде как увертюра. А главная симфония ещё впереди!

Не за горами день, когда на седьм Днепром зазвучит могучая симфония механизмов, с помощью которых здесь будет выплуну

свыше пяти миллионов кубометров грунта, насыпана земляная плотина в 4600 тысяч кубометров, а объём железобетонных и бетонных работ составит без малого два миллиона кубометров.

Знают колахонники Херсонщины и другие цифры гидроузла: даст 1200 миллионов киловатт-часов энергии, оросит 1500 тысяч гектаров степей, обводит 1700 тысяч гектаров земель.

Секретарь Каховского райкома партии тов. Котляров сообщил нам любопытные данные:

— На юге Украины за последние пятьдесят лет двадцать три города были засуховыми. Гидроузлы кадыт полны этому бедствию. Мы будем сплывать хлопца в пять — шесть раз больше, чем теперь.

Новые захватывающие планы строят сейчас виноградари, огородники, садоводы, животноводы засухливой херсонской степи. В каждом селе, куда вы ни заглянете, толкуют о светлых перспективах, поют песни о завтрашнем дне. В холмозе имени Сталина, что под Каховкой, на вечерне художественной самодеятельности нам довелось услышать песню, исполненную молодой хлопкоробкой, звеневшей артези Зиной Дементьевой:

Строим крепкие плотины.
Ой, Каховка, ой, Днепр!
Пусть мощные турбины,
Чтоб кругом стало светло.

Где гуляли сухованы,
Не было воды,
Там поле заглохнет,
Зацветут сады!

Всё это придёт по воле миролюбивых советских людей, занятых творческим трудом, созданием. Надо видеть, каким гневом вспыхивает галза плотника-комсомольца Виктора Чувильни, когда он читает о новых происках англо-американских агрессоров.

— Не для бомб Трумэна строим мы дома, — говорит он. — Не для разбойников сооружаем мы плотины и гидростанции. Пусть это зарубят у себя на носу поджигатели войны...

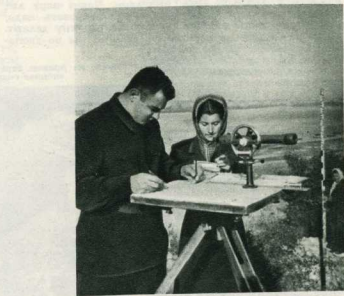
«Вактем мира здесь самоотверженно несут бригады плотников комсомольца Ивана Потапова, Василия Подпалова, бригады каменщиков Никифора Шуалыженко, маляров Макара Шаравова, слесарей Александра Сауцкого и многие другие.

А сколько ещё охотников до трудовых подвигов в Каховке! Да только ли в Каховке? Со всех концов страны приходит сюда письма, тёплые, сердечные строки, читаю которые живо представляешь себе образы их авторов.

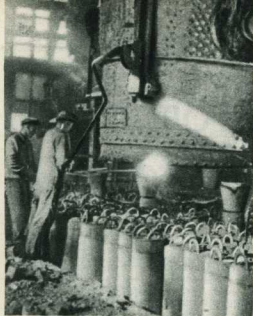
«Борясь за мир, хочу укрепить могущество нашей Родины. Моя мечта — быть участником великой стройки. Имею опыт на разных строительных в Ленинграде», — пишет И. Новиков из г. Трубочевка, Брянской области. «Я дракс на Днепре в годы Великой Отечественной войны. Моё место сейчас снова на Днепре, на великой стройке», — заявляет студент Харьковского педагогического института В. Тимченко. «Прошу считать меня добровольцем трудового фронта. Я был добровольцем на войне», — пишет С. Марченко, учитель из Полтавы. «В прошлом году я работал прицепником в комсомольско-молодёжной тракторной бригаде и имею 500 трудовых. В Каховке оправдал звание комсомольца», — клянется Н. Ауклянюк из колхоза имени Будённого, Большеалександровского района, Херсонской области...

За все свои истории Каховка не имела такой обильной почты, как теперь. Десятки тысяч писем. Это томос советских патриотов, рвущихся на стройку. Благородны их мечты, радостны порывы. Как в зеркале, видишь в этих письмах прекрасный лик нашего народа — народа-победителя, народа-творца, народа-миролюбца.

Каховка.



Сотни гидрогеологов ведут в районе строительства всесторонние геологические изыскания. И на с н и м к: старший топограф В. Сизанчук и вычислитель комсомольца Д. Кравцова проводят топографическую съёмку.



Замечательную сталь даёт бригада молодого сталевара Ивана Кабетова! Плавка проведена за 6 часов 20 минут, качество металла отличное.



Иван Герасимов первым на заводе стал варить скоростные плавки.
Фото А. Кривонова



Сталевары-скоростники (слева направо): С. Монюга, Д. Маринков, И. Герасимов, Ф. Антипов и П. Филиппов пишут письма металлургам-москвичам.



Хорошо работают молодые сталевары Забайкалья, хорошо и отдыхают они. На снимке: в тёплый весенний день отправились молодые металлурги на загородную прогулку. Слева направо: Владимир Кузнецов, Даниил Михайлов и Яна Владимира — Татьяна.

МОЛОДЫЕ СТАЛЕВАРЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Среди невысоких сопок, в долине горной речки Балаги, лежит городок Петровск-Забайкальский. Городок этот знаменит старинным металлургическим заводом, основанным ещё в 1789 году. В тридцатые годы прошлого столетия сюда на каторжные работы были сосланы декабристы. Смыльные работали на железнодорожном заводе.

От старого завода, как музейная древность, сохранились кирпичный остов домы с открытым ковшником да чугунолитейный цех, впоследствии коренным образом реконструированный.

За годы советской власти на этом месте вырос новый металлургический завод. На южном склоне холма построен социалистический город металлургов.

С каждым годом растёт город. Растёт и слава о забайкальских сталеварах, об их героическом труде.

В прошлом году мартеновский цех Петровско-Забайкальского завода завоевал звание лучшего в стране. Это была замечательная победа молодых сталевариальщиков, отбравших переходящее Красное знамя у сталеваров московского завода «Серп и молот».

Для передачи знамени из Москвы прибыл старый, почтенный сталевар. И вот, когда на сцене клуба металлургов он развернул тяжёлое бархатное знамя, чтобы передать его победителю, к нему направились десятки петровцев. Это всё были крепкие, как на подбор, юноши. Гость смутился и тихо спросил начальника мартеновского цеха:

— Я кадровиков ваших не вижу. Где же ваши прославленные сталевары? Не передавать же знамя подручным?!

— Да это сталевары и есть!.. Они-то и победили вас...

Гость с нескрываемым восхищением рассматривал победителей.

Да, это была победа молодых. Но победа досталась нелегко — она была результатом упорного труда и смелых дерзаний.

В военные годы в цех завода пришли сталевары, эвакуированные сюда с Украины. Это были прекрасные мастера, но руководители завода знали, что недалек тот день, когда сталевары вернутся в родные места, к своим печам, и поэтому надо готовить им замену. В ремесленном училище из наиболее способных ребят была создана специальная группа сталеваров. Их учителем стал начальник мартеновского цеха Николай Степанович Тарасов.

Когда началось восстановление металлургических заводов Донбасса и Приднепровья, опытные сталевары уехали. К мартеновским печам на их место поставили юношей, только что окончивших ремесленное училище.

Это был крайне смелый и рискованный шаг. Мартеновская печь — сложнейший агрегат. Обычно выпускники ремесленных училищ становятся к печи третьими подручными, затем переходят во вторые, в первые и только через несколько лет получают печь в самостоятельное управление. А тут каждый из молодых ребят сразу стал сталеваром, командиром бригады.

РАЗГОВОР О ТВОРЧЕСТВЕ

Неуверенны были первые самостоятельные шаги молодых металлургов. Порой терзались они в трудные минуты. Но на помощь им приходила коллектив. Большую заботу о них проявила цеховая парторганизация.

В первую смену Владимир Лоскутников не мог совладать с мощным пламенем. Вместо того чтобы стелиться у шихты, пламя начало лизать своды печи, как котлов, как вёснок с крыш, потекла лава. Могло случиться серьёзная авария, но вовремя пламя Николай Степанович.

Этот случай стал уроком для остальных. Начальник цеха провёл с молодёжью прямо у печи разбор ошибок Лоскуникова, сам показал, как надо регулировать факел пламени, чтобы и плаву ускорить и своды сберечь. На открытом партийном собрании техник сделал специальный доклад об уходе за печью, о скоростных плавах.

Был и другой случай. Молодой сталевар Иван Кабетов, встав у печи, растерялся. Подручные, почувствовав неуверенность в своём бригадире, стали работать хуже, враздала, а сталевар не решился сделать ни замечание. Это не прошло мимо observers. Они его, как всегда, улаждали, помогли справиться с опасным знанием, учения его, как должен вести себя командир производства. Теперь Иван Кабетов — один из самых требовательных и авторитетных руководителей бригады.

С первых дней работы твёрдо ста на ноги Яков Герасимов. Ещё в бытность учеником он уже работал у печи в качестве подручного. Он внимательно присматривался к приёмам опытных сталеваров, изучал тонкости мастерства. Приняв бригаду, Яков сумел сплотить людей в дружный коллектив. Сам он человек большой энергии, да и подручные подобрались под стать бригадире. Заправка ла подины, завадка ла шихты — всё это они делают в таком темпе, что в цехе никто за ними не угонится. Яков Герасимов читает много книг об опыте новаторов, становится, познакомился с творчеством учёных. Герасимов первым на заводе стал варить скоростные плавы. Стиль его работы — чёткая организация всех процессов плавки.

Но умение одного сталевара ещё не решало успеха. Большая часть плавок производится не одной бригадой, так как переходит смена к смене. Поэтому важно, чтобы в таком же темпе работали и сменщики. Между молодыми сталеварами, сменщиками Якова, Иваном Кабетовым и Филиппом Антиповым началось соревнование. Так зародилась комплексная стахановская работа, в которую включались и канавщики.

Опыт новаторов переняли молодые сталевара-коммунисты Виктор Сафонов и Михаил Эрро. Они организовали организационно коллективную стахановскую работу. Парторганизация поддерживала эту ценную инициативу.

В алейном пролёте бригадир Гавриил Барышев, мастер на все руки, человек исключительно находчивый и энергичный, организовал работу так, что канаву у него готова к любой скоростной плавке. Он создавал для своих подручных школы. Скоростными методами плавки обучал сталеваров Яков Герасимов. В трудовое состояние включались и Семён Можуха и Даниил Михайлов.

Забайкальские сталевары вступили во всеобщее соревнование металлургов. Они были молоды, но обладали основательной технической подготовкой.

Пытания, жадная ко всему новому, молодёжь продолжала стремиться к знаниям, к совершенствованию.

Техническая учёба стала подлинной школой мастерства и коллективного творчества. Освоение опыта известных новаторов Маая, Чайковского, Амосова, Болотова, Кучерина дополнялось изучением новейших достижений учёных и научно-исследовательских учреждений. Николай Степанович Тарасов связался с кафедрой чёрной металлургии Свердловского политехнического института, с инженерами-друзьями из Донбаса, сидел за всеми новинками стахановления и передавал свои знания ученикам.

Коллективно решались большие и малые технические задачи. Обобщая опыт других заводов, сталевары значительно улачили технологический процесс, лучше стали обосновывать знания, передавать, серию, серию, серию, серию. Примером паллино тояского отношения к производству может служить инициатива молодых сталеваров в использовании отходов. В газогенераторном цехе скапливалось много смолы, которую некогда было девать. Мартеновцы нашли ей применение: они стали употреблять смолу как топливо для своих печей. Опыт оказался удачным. Одна мартеновская печь уже целиком переведена на этот вид топлива.

Молодые сталевары, совершенствуя технологию, глубже стали вникать в экономику производства. Интересно послушать их, когда они ведут бесконечные и страстные споры о том, как уменьшить расход радиоактивных материалов. Опыт оказался удачным. Одна мартеновская печь уже целиком переведена на этот вид топлива.

Юноши выросли, возмужали. Ещё не так давно впереди всех неизменно шёл Виктор Сафонов. Но он вскоре обогнал Яков Герасимов, затем вырвался вперёд Михаил Эрро, потом первенство перешло к Михаилу Соколову. Иван Кабетов, Александр Пророк и экономические показатели каждой бригады ежемесячно анализируются всем коллективом.

Сейчас знамя снова присуждено москвичам. Но это не обескуражило забайкальцев. Нет, они не собираются складывать оружие! С ещё большим рвением работают они теперь. Они верят: первенство перейдет за ними, победит Красное знамя ещё вернётся на Петровско-Забайкальский завод!

В. КУПРИН

Раздумывая о нашей литературе, я легко насчитал первых пятидесяти писателей, чьи произведения, опубликованные за последние четыре года, приобрели широчайшую популярность и были приняты нашим народом на идеологическое вооружение в битвах за коммунизм. Перечислять их нет нужды: они хорошо известны всем. Среди них есть и участники первого совещания молодых и те, кто не был ими по разным причинам. И к этим пятидесяти прижимают новые и новые десятки молодых талантливых писателей, в числе которых находятся наиболее зрелые из участников нашего совещания.

Разумеется, они разные, эти новые писатели и новые книги. И хорошо, что они разные. Хочется подметить, что в них общего. Хочется сказать о тех общих чертах и особенностях нового, что с большой силой уже утвердилось в нашей богатой именами отечественной литературе. Думается, нельзя говорить о мастерстве, о повышении качества нашей работы, не определив черты этого нового.

Говоря о творчестве новых писателей, нельзя прежде всего не заметить главного — того, что творчество этих людей, воспитанных уже советской властью, выражает целостное коммунистическое мировоззрение, что успех лучших произведений — это, в конечном счёте, победа большевизма, ленинско-сталинской личности, как бы впитанной новыми поколениями советских людей с молоком матери. Молодые писатели отличает безграничная преданность делу партии Ленина — Сталина, делу коммунизма.

Писатели, пришедшие в литературу за последние годы, принесли с собой глубокое и достоверное знание жизни. Непосредственные участники строительства коммунизма на разных участках, они, став писателями, продолжали быть строителями коммунизма в литературе. Для них характерно активное вхождение в жизнь, страстное желание помочь партии в выполнении её великих исторических задач. В лучших книгах новых писателей наша действительность отображается с полнокровной, революционной правдой; читатель находит в этих книгах философски осмысленное и поэтически красивое отражение типических черт современного исторического периода перехода от социализма к коммунизму, таких черт, как сдвиги границ между интеллектуальным и физическим трудом, уничтожение противоположностей между городом и деревней, рост коммунистического сознания людей.

Исходя из черт жизни современника как из черт прообраза, новые советские писатели пришли к всестороннему и художественно убедительному утверждению положительного героя в литературе. В лучших книгах положительные образы достигли такой силы обобщения, яркости и полноты изображения характеров, что стали нарушением типических черт, отличающих человека сталинской эпохи. Вспомним героев из произведений Бабаевского, Рыбакова, Попова, Мальцева и других.

Нетрудно, далее, заметить, что писатели новых поколений избрали главным героем свою книгу «труд», т. е. человека, организующего процессы труда — человека, в свою очередь, организующего труд более лёгким, продуктивным, возводя его на ступень искусства». Эта тема провозглашена А. М. Горьким полтора десятилетия назад, и за это время советские писатели посвятили ей немало хороших книг. Но, пожалуй, никогда раньше не удалось писателям показать человека труда с такой глубокой проникновением в его психологию. Наилучшим образом это удалось сделать тем литераторам, которые сами немало потрудились на производстве, прошли многолетнюю школу жизни в сложившемся крепком советском трудовом коллективе, будь то завод, стройка или колхоз — безразлично.

Говоря о новаторстве содержания лучших книг прозы последних лет, критики подчас не говорят о том, что в этих же книгах произошло и неизбежное новаторское изменение форм художественного изображения жизни и людей. Очень важно для нашей литературы глубоко проанализировать и понять, складывающиеся на глазах метод изображения людей в труде, в отношении к делу, а через это — в отношении к Родине, к строительству коммунизма — метод, дающий, по моему убеждению, новые и неисчерпаемые богатые, не использованные ещё по-настоящему возможности для всестороннего раскрытия внутреннего мира человека.

До сих пор ещё в литературной среде книги о людях труда называют «производственными», и подчас высказываются не очень аргументированные опасения — в том смысле, что-де происходит обеднение духовного мира человека, если его показывать на производстве. Но разве подобными читателю лучшие книги о людях труда — «Волгарь Советский», «Землянка», «Жизнь в шахтах» — не изображают жизнь в её сложности и полноте, с достоверно переданной атмосферой значительных мыслей, высоких чувств, больших и важных нравственных вопросов? Разве такие образы, как Полковник или Тугаринов, показаны духовно обеднёнными? Никак нет!

Сопрациональная сценария выступления на Всесоюзном совещании молодых писателей.

Это живые и полнокровные герои, ставшие для многих наших молодых людей образцом для подражания.

Конечно, раскрывать духовный мир человека в трудовых отношениях, в деле, в труде нелегко — тут не накоплено традиций даже нашей революционной литературы. Думается, что это нашего труднее, чем показывать, скажем, людей в привычных камерных любовных коллизиях. И очень важно отметить, что лишь те писатели добиваются творческих удач, которые верят до конца в метод изображения человека в труде, как плодотворный и дающий богатые возможности, и разрабатывают этот метод, не сбываясь с трудного пути. Характернейший пример сказанному — один из лучших книг на тему о труде — роман «Водитель».

Когда писатель не до конца верит в это или просто не осмысливает, что задача повествовательских черт человека труда требует нового метода в его изображении, тогда его постигает либо неудача либо неполная удача. Немолодой и опытный литератор Н. Стровсковский написал роман «Гайдастры» о людях большого строительства. Роман этот неудачен, хотя писатель работал над ним несколько лет и достаточно изучил материал.

Почему Стровсковского постигла неудача? Это становится ясным, когда прочтешь книгу. Стровсковский не поверил до конца, что можно глубоко и интересно показать людей в труде, в деле, и прибегнул к позанимательности, к искусственным образцам литературы приемам искусственного оформления повествования. У него есть в книге и зловещая авантюриная линия, и любовные истории, и завлекательные женские образы, вроде правнучки декабриста(!), пытающиеся поужастить в танцмаче здание книги за руководителем стройки. И во всем этом растраивается хороший замысел, интересный материал и затронувший писателем большой труд.

Другой пример — обобщенный. Опытный и талантливый писатель В. Панова напелась, на мой взгляд, большой вред роману «Кружильный». Неудача, повисшая, что книга станет скучной, если показать героев в их деле, она не являлась читателю за ограду завода, в большой и сложный духовный мир заводского коллектива.

Третий пример — повесть участника совещания Н. Ендокимова «Высокая должность», обсуждавшаяся в семинаре П. Нилана. Повесть эта талантлива, интересна. Ендокимов ухаживал в образах соревнующихся старого и молодого стального рабочего, типичные черты советских рабочих. Это удалось писателю, так как он смело попытался показать своих героев, их мысли и переживания в процессе творческого труда, в увлекательной обстановке производства. Однако Ендокимов снизил ценность произведения, не до конца поверив в свои силы и в возможности изображения людей в труде. Он шёл в произведении чужеродные приемы, рассчитанные на возбуждение интереса читателей. Так появилась нелепая интрига с куском ферромарганца. Этот кусок зачем-то валялся во время работы над огнями молодого сталера, он убрал его до конца смены в ящик. Ферромарганца не было, сталера не убрал, хотя в поступке её возбужденного даже самый свирепый пркурор не нашел бы ничего неблагодарного, она подняла страшный шум. Пронюшала размокшая, автор мучительно растерялся до конца повести, «разрыв» интриги в ряде плохих сцен, вроде той, в которой молодой сталера увидел в окне, как его невесту обнимает незнакомый мужчина. Только основательно помучив читателей и выбодивших Ендокимов посчитал возможным объяснить, что невесту обнимал её родной отец.

Мне не хотелось бы быть только понятым. Я не против любви в книгах, не против изображения героев в домашнем быту, в семье. Как можно! Советского человека надо изображать во всем богатстве его духовной жизни — в гармоничном сочетании личного и общественного. Нельзя ни показывать, ни скрывать, ни игнорировать тех энергетиков по литературе любовных отношения героев нарисованы беднее, чем их отношения общественно-трудовые. Я бы очень хотел, чтобы в умном и хорошем романе И. Котенко «Колхозники» так называемые личные и интимные линии были бы даже ровнень с тем, как описаны трудовые интересы колхозников Кубани.

И против того, чтобы противопоставлять тему общественного труда личной теме, против того предположения, что есть, мол, тонкая область интимных переживаний, когда дело касается любви, и якобы нет этой тонкости и сложности, когда дело касается творческого труда человека. Как раз работа человека, труд его и стали в нашем обществе областью самых тонких, самых интимных душевных переживаний. Вне этого нельзя вообще правдиво показать советского человека. Это первое. И второе: любовь — всякое личное переживание не имеет цены в произведении, как бы они сами по себе ни были тонко и увлекательно написаны, если за этим не стоят явные морально-нравственные проблемы. Беда и крупный недостаток интересного романа Котенко заключается не в том, что у него все герои страдают от неудачной любви, а в том, что введенные в книгу лические коллизии не несут в себе никаких нагрузок, не приводят к решению каких-то проблем, даны для заимствования для развлечения читателей.

Замечу, кстати, что, по моему мнению, наши даже лучшие писатели не проявили пока новаторской смелости в постановке и разработке жизненно-назрелых и важных проблем любви, семьи и быта в такой мере, в какой они проявила её, изображая советского человека в области общественно-трудовых отношений.



На втором Всесоюзном совещании молодых писателей. Участники совещания и гости знакомятся с новинками художественной литературы. Фото Г. Борисова

Уже, подмечена важная новаторская особенность ряда крупных произведений последнего времени: изображение коллектива как естественного для нашей действительности соединения индивидуальных человеческих судеб в могучем товариществе людей, спянных воедино великой целью и одной всегда конкретной трудовой задачей. Коллектив в качестве центрального героя, много планов и много персонажей — всё чаще это становится отличительной чертой наших книг как закоренное решение писателем задачи возможно достоверное и полное отобразить гигантские созидательные усилия народа. Большой коллектив возникает в книге как многоликий и сложный образ всего советского общества.

Неимоверно трудная задача показать коллектив, т. е. передать насыщенную духовную жизнь коллектива, множество возникающих в ней ежедневно вопросов и трудностей, и при этом изобразить каждого в отдельности члена коллектива живым человеком с индивидуальными, лишь ему присущими качествами. Для того чтобы выполнить эту задачу, нужно иметь незаурядный талант, глубокое знание типических черт коллектива, большую писательскую подготовку и писательский опыт на предварительном решении менее трудных творческих задач. Необходимо для этого: умение выбирать типичное из груды материала, умение разработать четкий продуманный план расстановки героев и, главное, способность к огромной, мужественной, упорной и длительной работе над образами и сюжетами.

Конечно, с этой трудной задачей показа коллектива во всей его сложности и полноте мы справились лишь относительно даже в самых хороших наших книгах. Видимо, справедливы упреки, предъявляющиеся к ним: в рыхлости композиции, в некоторой хроникальности повествования, в недоработанности образов, которые исчисляются десятками в романах. Это в удачных книгах. А сколько поучительных неудач можно найти в нашей литературной практике! Часто молодой писатель берется за создание такого многогеройного и многопланового романа с коллективом, не представив себе всей трудности задачи и просто будучи ещё творчески неподготовленным решить такую задачу.

Характерный пример тому — участник совещания Н. Волков, автор романа «Наше родное». Волков поставил перед собой интересную и большую цель — показать патристический труд огромного миллионного коллектива торговых работников. Как человек способный, он добился некоторых удач в описании главных героев, сумел оплотворить труд работников торговли. Но недостаточно ответственное отношение к поставленной перед собой задаче и ещё слабая писательская подготовка не позволили Волкову справиться с задачей в полной мере. К сожалению, книга его уже опубликована в Красноярске и Новосибирске, хотя над ней следовало ещё очень много трудиться. По существу, это первый черновой вариант, который надо перерабатывать заново и переписывать ещё не раз.

Хочется подметить ещё одну черту прозы последних лет — новые решения сюжетосложения. Мы знаем, во многих книгах прошлых лет сюжет был заранее подысканным средством занимательности с разными острыми и неожиданными ходами. В последних романах о людях труда сюжеты привносятся жизненным материалом и выражают собой достоверную связь героев в событиях и конфликтах, характерных для того созидательного дела, которое поручено коллективу.

В подобных сюжетах нет примитивной прямолинейности, обнаруживаемой поклонниками и умельцами искусственных сюжетосложений. Любое важное дело — повздорский помин, укрупнение колхозов, новое строительство — в такой мере сложно, настолько полно трудностей, что писатель, если только он не прибегает к упрощению и к облегчению своего труда, получает широчайшие возможности показать человека во многих проявлениях его качества. Вспомним, сколько событий, столкновений, конфликтов, мыслей и переживаний возникает в развитии внешне несложного сюжета «Водитель»!

Такие сюжеты нужно находить в жизни. Важно знать описываемое дело — знать и самое важное в нём и многие подробности. В упомя-

нумом большим романе Н. Строевского на сотнях страниц персонажи действуют на строители, а строителям нет; непонятно, что делают люди, какие задачи решают, какие преодолевают трудности. Невнятная картина ни в целом, ни в подробностях. И тут уж автор просто не смог обойтись без искусственно введенного сюжета, потребовавшегося, чтобы хоть как-нибудь двигать повествование.

Несколько слов о языке. Жаль, что наши специалисты не исследуют язык и стиль произведений, в которых мне кажется, их авторам удавалось при бережном отношении к драгоценному накопленным классической русской литературы добиться успеха в передаче особенностей языка наших современников. Язык произведений Рыбакова и Антонова, Фоменко и Трифонова, Котенко и Николаева, Залыгина и Гранина точен, чист и выразителен, и он, главное, передает характерные черты языка пробы.

Исканство языка, которым занимался А. Белый, было призвано замаскировать путанину и эклектизм в его мировоззрении. Излишняя живописность, курьезность и орнаментация языка почти всегда прикрывают бедность мысли писателя. Словность и тонкость языка всегда выдают искусственность тонкости писательского мышления.

Современный разговорный язык передает характер советских людей — их целеустремленность, деловитость, точность мысли, собранность, энергию. Высокий общеобразовательный уровень, то состояние культуры, при котором весь народ унит и много читает, привели к расщеплению языка от областнических искажений, бессмысленных и паразитических слов, «одежеских» словесных вывертов. Широкое участие в общественной жизни страны, привычные для миллионов людей выступления на собраниях расширили рамки обиходного бытового словаря. С другой стороны, мироборение профессий, непосредственное знакомство с наукой и техникой обогатили язык новыми понятиями и кроме того приучили к скупой и сдержанной деловой точности выражения мысли.

Все эти качества современного языка отразились в большей или меньшей мере в творчестве произведений наших новых писателей. Но при этом нельзя не признать: правильно нас ругают старые писатели, призывая к еще большему труду над словом. У нас мала культура

языка, не все из нас так внимательно осваивают опыт классиков, как этого требует наша профессия. Деловитость и сдержанность характера героя не означает, например, что о нем можно писать сухим и стёртым языком. А так হচ্ছে получаются и у опытных и у молодых писателей. На семинарах самым крупным недостатком в работе молодых прозаиков были признаны серый, стёртый и просто нерылсяный язык многих произведений.

За два года после первого совещания сложились формы и методы работы с молодыми писателями; в активе Союза писателей есть добрые дела, которых нельзя не видеть. Не без участия Союза писателей пополнился за это время на 650 человек писательская организация. Не без участия Союза буквально десятки писателей опубликовали свои первые книги и стали известны широкой читательской массе. Если обратиться к практике только четырех столичных журналов СССР, то увидим: за четыре последних года в них опубликовано 380 произведений молодых писателей, что составляет почти половину всех напечатанных произведений. В одном лишь 1950 году Союз писателей предоставил молодым писателям — не членам Союза — 94 творческие командировки. Союз писателей ввел в практику и вызов талантливого автора в Москву на обсуждение его творчества, и устройство творческих конференций на местах, и рекомендации произведений новых авторов журналистам и издателям после работы над этими произведениями.

Лично я, как писатель, всегда с благодарностью буду помнить поддержку, полученную мною от Союза писателей в очень трудный для моего творческого пути момент. Думаю, что о помощи Союза помнят и другие писатели с периферии, как Н. Захаров, К. Седых, А. Пришвин, Ю. Шенников, В. Заварухин и другие.

И среди участников совещания Ю. Корнев и В. Черетин из Свердловска, Н. Максимов и Н. Шундик из Хабаровска, Ф. Таурин из Якутска и другие ощутили влияние Союза, помнят, как им помогли в работе и в издании их произведений.

Вместе с тем верна критика нашей работы.

Будем же, товарищи, достойно забот, которые нам оказывают партия, правительство и великий друг советской литературы товарищ Сталин!

НА ОДНОМ СЕМИНАРЕ

К. ЛАПИН

Вот они сидят на стульях вдоль стены, все в ряд, как правило, авторы первых книг, рассказов, очерков, людей разных возрастов и профессий, собравшиеся на один из семинаров прозы второго Всесоюзного совещания молодых писателей. Здесь — в зале прикладного искусства, в старом здании московской школы, автор «Галактического романа» «За Двустерном», и Виталий Петельковский — офицер Советской Армии, написавший на украинском языке роман об Отечественной войне «Хотищя», Виктор Лавринявич — чинский лесник-облагодчик, выпустивший в областном издательстве книгу рассказов «Снежинки», и Фёдор Эйнуа — эстонский журналист, автор повести «В курортном городе», пограничники Мартынов и Ардашов, написавшие первые рассказы и очерки о трудной и опасной службе.

Кто с робостью новичка, кто с восторгом, кто с любовью, смотря на руководителей семинара, таких мастеров прозы, как Илья Эренбург, Константин Паустовский, Александр Бек, которых они доселе знали лишь по книгам да портретам, на Виталия Закруткина, автора «Пловучей станции», получившего в этом году Сталинскую премию.

С каким-то радостным подъёмом, в атмосфере общей эмпатии проходит обсуждение повести Ф. Эйнуа «В курортном городе». Произведение это, по общему мнению участников семинара и его участников, — радостное явление в нашей литературе. Константин Паустовский подвывает присутствующих с приходом в советскую литературу нового мастера.

Фёдор Эйнуа рассказывает о себе, о своей почти двадцатилетней работе в газете. Страна из-под следствий контингента, полученной во время ленинградской блокады (он и сейчас плохо слышит и вынужден слушать выступающих, придерживая ладонь шитком возле уха), Эйнуа жил после войны в эстонском курортном городе Пиру. Работая уездным корреспондентом газеты «Советская Эстония», он собрал интереснейшие материалы о курортном курорте. Писал эти книги он, по собственному признанию, с большим волнением, стараясь охватить все те явления, которые сам наблюдал и слышал.

По мнению всех выступающих на обсуждении, автор блестяще справился с этой задачей. Через семью старшего эстонского рабочего единственного сына Хейно, писатель сумел показать судьбу трудоголодного эстонского народа, возродившегося к жизни лишь в годы советской власти.

Александр Бек начинает разбор повести.

Соглашаясь с Эренбургом, отмечающим, что герои повести запоминаются, как живые люди, чего нельзя сказать о многих действующих лицах ряда произведений других молодых авторов, А. Бек подробно разбирает, с помощью каких средств и приемов добился автор этого успеха. Он всесторонне анализирует повествование, отмечая интересные тонкости, насыщенный, содержательный язык Эйнуа, его «явную фразу», в которой нельзя переставить даже запятую, как выразился Паустовский.

Внимательно слушают молодые писатели разбор, и видно по лицам их, что они понимают серьёзность этого большого, глубокого разговора об ответственности автора за каждое слово, фразу, запятую. Это наука на будущее, это подлинная школа мастерства, которую прошли масте-

ра проза. А когда между руководителями семинара возникает жаркий принципиальный спор на тему, что такое талант и можно ли его развить, лица сидящих загораются, они хотят пропустить хотя бы одно слово, не в таких ли словах рождается истины, необходимые молодым писателям!

Касаясь некоторых моментов статьи Ильи Эренбурга, напечатанной недавно в «Литературной газете», Бек возражает против неологизмов автором статьи важности собрания писателей — материалов, эстонских писателей — неосуществимости действительности. Он рассказывает, как помогал ему изучение природы, встречи с живыми героями при создании повести «Волоколамское шоссе».

Эренбург энергично протестует против упрощённого толкования его мысли. Писатель, по его мнению, должен жить интенсивной жизнью, учиться у жизни до последних дней своей, как можно глубже познавать людей и мир. Он возражает лишь против изучения жизни только о-о-о методами специальных «творческих командировок», ибо у писателя вся жизнь — творчество. Жадный интерес к жизни — это высшее свойство писателя; леньность, отчуждение от жизни — это проклятие для писателя. Различия между работами — это столько, сколько писателей, — по главной задаче каждого писателя одна: показ живого человека.

Подчёркивая достоинства поэтической, эволюционной, честной книги Эйнуа, жизнённость её героев, Эренбург говорит и о том, что кое-где поэтичность переходит в мастеров, стилизацию, что появляется дискуссионное, несколько сентиментальное. Но верит он в жизнённость образа швед — владельца курорта: слишком уж он утиропан автором как злодей. Эренбург отмечает также некоторые мелкие статистические погрешности, например, да неудачно стоящих рядом слов: «главный, стремительный, быстрый».

Уровень выслушивания и активности выступающих на семинаре очень высок. Почти каждая фраза и положение вызывают встречные оценки. То и дело проносятся имена Чехова, Толстого, Тургенева, Горького.

Виталий Закруткин отмечает слабую, схематичную посылку в повести коммунистов, в частности, бледе, по его мнению, образ портрета Каласа, который должен одухотворять остальных героев книги своей идеей, своей борьбой за новое, своим примером. Скупно, слабые другие сцен написаны партийное сознание. А ведь эта сцена вносит все происходящее в повести, она могла бы стать натуральным моментом жизни, через который была бы яснее дорога героев в светлое, коммунистическое завтра!

В заключение Фёдор Эйнуа благодарит выступающих за товарищескую, высококачественную, глубокую критику. Он согласен со всеми замечаниями, кроме некоторых. Книга эта поможет ему при выпуске книги отдельным изданием, а также поможет в работе над начатой им новой повестью об эстонских станах — новатора производства.

Много полезного опыта, большую творческую зарплату получили молодые писатели на семинаре. И писатели старшего поколения довольны: их подхватывала молодая творческая волна, они сами полны новых замыслов и идей.

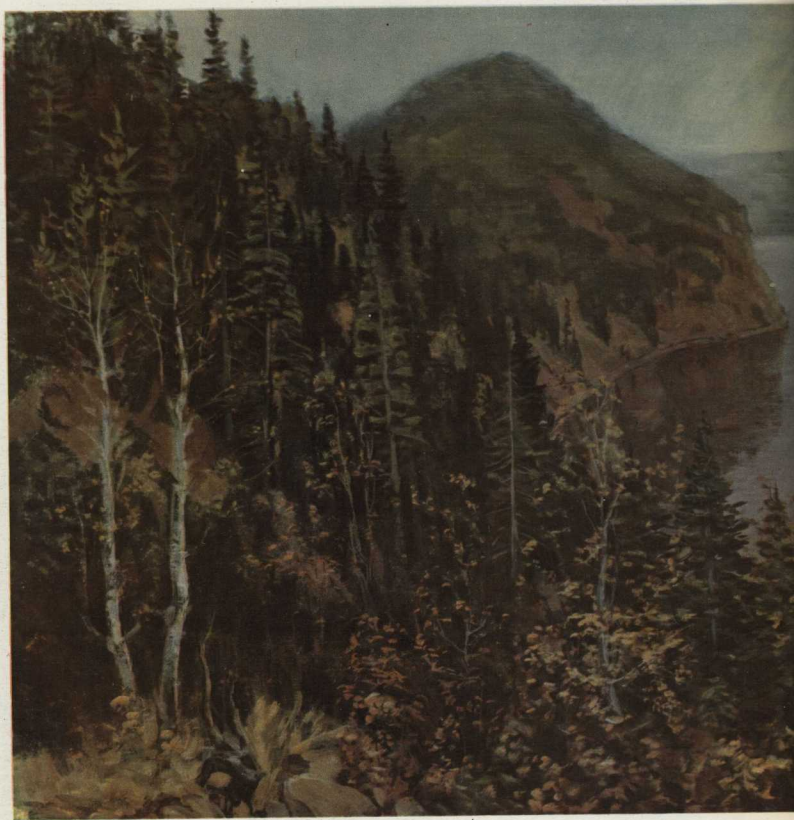
Новые книги, песни, стихи будут созданы после совещания.



Н. Осенев.

Будущее путица.

Всесоюзная художественная выставка 1960 года.

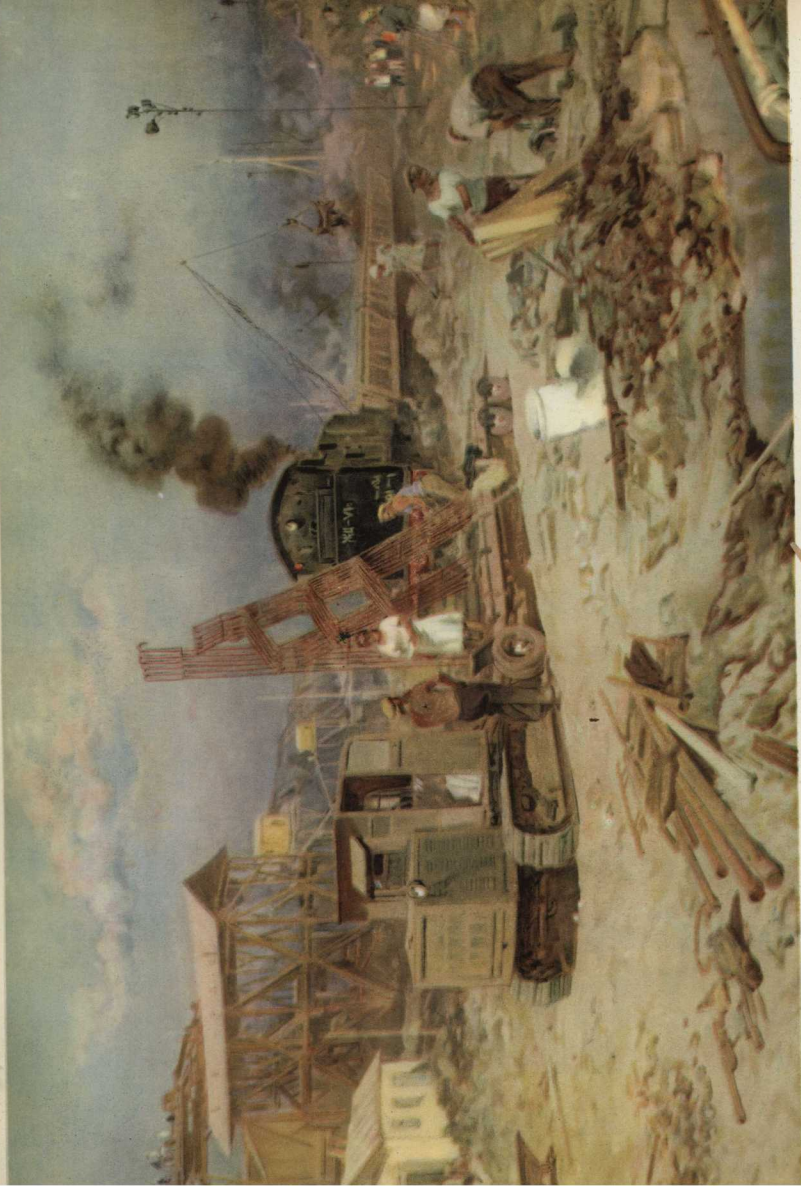


В. Мешков.



Для сталинских строен.

Всесоюзная художественная выставка 1950 года.



М. АБУЛГАЕВ.

У нас на юге.
Восковая художественная выставка 1950 года.



Сергей ЗАЛЫГИН,
участник Совещания молодых писателей

После грозы

Рассказ

Весной прошлого года в нашу МТС с курсов приехали трактористы. Трое — молодые ребята, а четвертая — женщина, Нюся Черемнова.

Новички проработали посевную, и многим нашим пришлось подтянуться, чтобы не отстать от них. Особенно спорилось дело у Нюси. Про неё говорили, что она десять очков вперед даст, потом догонит. И ещё: быть Нюсе не больше чем через год — полтора бригадиром. Но в то время, как о новых трактористках спустя неделю после их приезда на селе знали, как говорят, всю подноготную, о Нюсе почти никто ничего не знал. И не то чтобы она сторонилась людей, не хотела ни с кем зыгаться. Наоборот, говорили, что она веселее многих других, умеет петь — голос будто у неё низкий, душевный — и никогда не отказывалась помочь товарищам.

Правда, в клубе Нюся почти не бывала, о себе рассказывала неохотно; кончила в прошлом году курсы, и вся здесь автобиография. А где и как жила раньше — об этом ни слова.

Ещё говорили, что у неё была несчастная жизнь с одним человеком, который в конце концов оставил её. А по-настоящему никто ничего не знал.

Я читал о Нюсе Черемновой в стенной газете МТС, и районная тоже не раз писала о её работе. Но встречаться мне с ней не приходилось, и я так и не знал её в лицо. Знакомый тракторист Никита Броднев работал вместе с Нюсей, он-то и рассказывал мне о ней. Однако у Нюси не всегда можно было понять, когда он говорит серьёзно, а когда шутит. Скажет о пустяке серьёзным тоном, потом сощурит глаза и смотрит, словно думает про себя: поверили ему или не поверили? И не знаешь: верить или не верить? А то шутит, наоборот, говорит что-нибудь очень важное, а сам посмеивается.

Особенно не любила эту его манеру двенадцать. Он им наговорит, что они и хороши, и милы, и поют, как соловьи; двенадцать, конечно, рады, а спустя пять минут он их же променяет.

Но так или иначе, а по рассказу Никиты трудно было подумать, что-нибудь о нашей новой трактористке, хотя о ней он говорил всегда серьёзно.

И только на днях я встретился с Нюсей. С усадьбы МТС мне нужно было попасть в колхоз «Заря» — это километров пять ниже по реке. С утра попутчиков не было, лошади и машины оказались в разгоне, и часов около двенадцати для пришлось отправиться пешком. А спустя каких-нибудь полчаса ударила гроза. И как раз вблизи от дороги, по которой я шёл, — старая рига, которая, наверно, уже лет двадцать стоит на этом месте, как большой гнилой пен, даже трудно представить, что когда-то солома была на ней живая, яркочелюстная.

В сумраке этого убежища уже оказалось порядочно людей, среди них — знакомый мне Никита Броднев и несколько женщин-колхозниц. Все сидели на старом, трухлявом бревне, а две женщины — рядом, на соломе.

Сначала было сделано немало замечаний по поводу той резвости, с которой и бечал с пригорка к риге, а потом одна молодая колхозница через ветку кроваля риги, — А что твой Проконий? — пинет? Вот соскучится и напишет.

Никита пошутил: — Письма-то на дожде размокли, и Маруся — тоже. Вот солнышко пригреет, подсушит нашу Машу, она и запоёт... — Все вы одинаковы, мужичьи! Уж какой Проконий был обожительский, а вот уехал — и три месяца ни словечка.

Становилось всё темнее и темнее — тучи заволокли небо, было сумрачно, как после захода солнца. Чёрный купол неба всё сжимался с грохотом. Казалось, ещё немного, и он не вы-

держит ударов молний, и тяжёлые осколки рухнут на землю... Огненные трещины пронизывали небо во всех направлениях... По пригорку, на котором ещё недавно были видны стройные сосны, ползла огромная туча, волоча за собой длинные белевые локмы. Кто-то с тревогой прокризис:

— Как бы град не пошёл.

— Град, он в начале грозы бывает, — серьёзно возразил Никита. — Под конец редко. — Потом сделал торжественное лицо, согнул палец в вопросительный знак и поднёс его к марусиному лицу. — Скажи, голубушка, когда ты наберёшься ума, не так правы? Такой хороший дождь, а ты его встречаешь, как попойку!

— Отстань! Тебе бы всё смех да смех! Бесчеловечный ты, Никита, чужого горя знать не хочешь! — всхлинула Маруся и отвернулась.

— И то, Никита, — снова послышался голос пожилой женщины, — что ты её теребишь? Человеку тошно, а ты ей вопросы!

— Так я же, тётя Мотя, любя! Надо же от неё скулу сплугнуть.

— Нет, уж ты лучше помолчи...

Замолчали все...

Одна за другой вонзались в землю молнии. Люди сидели, тесно прижавшись друг к другу. Может быть, от этой близости или от общего для всех впечатления уюта, которым дышала старая рига, укрывшая нас от непогоды, все должно быть, думали в этот момент одинаково. Мы радовались судьбе нынешнего урожая, и приятно было от сознания своей безопасности и от того, что, встретившись в сумраке риги случайно, чувствовали какую-то близость друг к другу, как старые друзья. И, конечно, всем в этот момент хотелось помочь Марусе, чтобы и у неё было хорошо на душе, но никто не знал, как это сделать. Никитина шутка явно не удалась, он был смущён, а все видели это. А Маруся сидела на охапке соломы одинокая, сердилая не только на Никиту — на всех нас. Если бы не гроза, она и минуты не оставалась бы с нами, её обидчиками...

Никита ещё несколько раз наклонился к Марусе, не решаясь сказать ей что-нибудь, подоткнул махлук рукой:

— Вот если бы тебе Нюся рассказывала, как оно бывает...— Никита тревожно взглянул на женщину, идущую рядом с ним. Та улыбнулась в ответ угловатым тонким рта, прося соседу его неспростом. Подумала и сказала:

— Что же... Я расскажу. Показал...— и поправила косынку, упавшую с головы на толку плечо.

— Это и есть Нюся Черемнов!— подумал — Конечно, она! Такой она и должна быть — тоненькой, аккуратной, строгой.

— В войну вышла я замуж за одного эвакуированного, — тихо начала Нюся, сосредоточенно разгладив носок своего маленького сапога. — Сколько раз его спрашивала: «Скажи, Коля, правду! Возраст у тебя уже немолодой. А я обратно свои слова к тебе не возьму, хоть бы что?» А он — нет и нет.

Вот уехал он как-то в рай, и без него — два письма. Я долго следила... Одно вроде женщины писало. Я и решила. Пишет ему брат: «Брось, Коля, баловать. Зою хоть и жалко, но она взрослый человек, а девочку ты должен покарать. Дети-преступники. Приезжай и возьми обидку». А другое писало от жены. Жаловалась, что жить ей тяжело. Ещё пишет, что женщина, с которой, мол, ты живёшь... изверг, если чужого горя не понимает... Это, значит, я. И просит чтобы ты одного ребёнка взял... А у меня уже скоро толку дождаться. Нюся замолчала, и все молчала тоже, только долго шепестя наверх, и девичий голосок жалобно произнёс:

— Ой!

— «Ж как плакала! Бросилась на койку и себя не помню. Соседка бабушкой Мариной звали — прибежала: «Что с тобой?» — а я и говорить не могу, кинула её письма. Она прочитала — и в слезы. Так мы и шли вдвоём...»

— Вечером приехал. Как на порог взошёл, сразу всё поняла. Сначала вроде сказала: «А беда, Нюся, то ли ещё бывает, что от нас из-за этого уберу?» А я и слышать его не слышу, одно твержу: «Как ты мог обмануть? За что? Объясни!» Он притих, начал меня уговаривать: «Успокойся, поговорим позже, нельзя тебе нервничать. Успокойся!» А я одна себе: «Как ты мог? Объясни!» Тогда он лёг грустно на стол и заплакал. Крышка с молоком стояла на столе — расплескалась, так он затрещал. И тут, как я это увидела, встала с койки и горько ему: «Уйди!»

— Вот сколько лет прошло, а я до сих пор слышу, будто говорю это... И она повторила тихо: «Уйди, уйди!» — словно её преследовал кто-то, а потом, помолчав, сказала: — Что же ещё ему можно было ответить? С дороги он письма посылал. Просила вернуться с девочками. Вот бедняжка тоже — у такого отца! А я знала, что он всё равно не вернётся бы. Там у него мать, брат, дочери, первая жена. Та первая, в которой — дух он обманул. Значит, что остался без матери, двенадцать без отца. Из-за ребёнка у меня и глаза не проморгали ни днём, ни ночью. Он-то в чём виноват — рождается сиротой! А, кажется, жизни у меня не стало больше — одно горе...

— А люди живут, работают, хлеб сеют, как будто не случилось ничего. И хлеб растёт и растёт... Сначала я вроде не понимала, что так и нужно. Обидалась на весь белый свет за то, что он не остановился из-за моего горя. А потом и сама пошла работать. И не так, как прежде, а во всю свою силу. И прищипнула была и сельмашком, всю поленую работу прошла, всё могу. И пошла я сжигу дома в деревне, меня жалуют, а как выйду в поле, там уязют... Так и всё в поле да в поле... А Юрик в яслях. Трудились куда... Так и жили. И я уже забыла стала про своё горе... И даже песни уже иной раз стала петь вслух... А дяде не знаю, как рассказывать... В другой раз, может...

Раскатыва грома доносились теперь издалека, из рек.

Никто не говорил ни слова, и даже двое мужчин, которые недавно всё беспокойлись из-за

того, что у них подмокло курено, сидели теперь не шелохнувшись.

А Нюся, помолчав, продолжала свой рассказ: — ...Юрик толку доесть дней хворал. И у него голова перестала закрываться, и всё смотрел на меня и не мигал. Целую неделю. А только спал. Взрослые так не спит... Вот снова сижу я дома, видеть мне кого-нибудь или никого не видеть — всё равно. До того стала безразлична к людям, к работе, что если ко мне кто зайдёт знакомый, мне и ни слова, о чём сказать. Вот это самое страшное и есть. Была я тогда ещё совсем молодая, а показала мне, будто уже всё прожито, незачем больше жить... И вот в такое-то время взяли меня две комсомолки на нашего колхоза под своё наблюдение. Тогда я не знала, а мне, оказывается, я была под ответственность препоручена секретарём парторганизации. Человек сам пережил на фронте немало, знал, что значит горе.

И вот приходит однажды ко мне подруга и просит поработать один день в поле. Один, значит, только день. Будто бы у них там такое дело, что они без меня ну никак не обходятся... Потом она мне добрая девушка, теперь уже сама двоих растит — просит поработать неделю. Одно только недёло. И вот в работе да с людьми стала я снова вокруг себя всё замечать. Увидела — колхоз наш, район, вся страна идут и идут вперёд. Газеты возмёмся, прочитаем — как-то стала перестать собой оставаться! Нет! Такой силы, чтобы наш народ остановить! Только я одна стою. Стою, словно горем своим к камню привязанная, и не могу шагу ступить. И вот как бы люди проходили мимо меня и зовут, зовут с собой, и они достигают какой-то концы-края своей дороги, достигнут счастья, а я что же? Нет, думаю, подумай-ка я свой камень и пойду вместе со всеми. И пошла. И пошла. А тут меня поддержали.

И вот яду и не только яду, а даже радуюсь вместе со всеми своей дороге, людей праздник, у меня тоже. Ничего для меня не потеряю...

Ну, а потом пошла на курсы. Давнишнее было у меня желание. Правда, встретить хорошего человека для счастливого женитьбы не ждала. Подумать об этом было... Может, я и при Марусе зря всё рассказывала. А только ты, голубушка, в зрелые годы не сторонись и работы не бойся. Она поможет, вычлёт... Да, может, и правильно ты беспокоилась. И так...

— Через полчаса я был уже на пригорке, где ещё недавно висела седая лохматая туша. По описке густого бора вылась стайка тропинки. Они то бегались вместе, в одну широкую дорогу, и тогда обмахивались узкохвостатые перьями могучих корнел, то разбегались в стороны по жёлтому хвойному покрову. Небо становилось ещё пасмурным, и вся местность в сторону реки — большое пшеничное поле, тусклая река и далёкие дуга на той стороне — были покрыты сырой дымкой. Как будто посылку только что погасили костры, и теперь сный дым поднимался к небу. Всё живое ещё оставалось под впечатлением грозы, её могучих, раскатистых ударов, всё молчало и пряталось. Не слышно было ни птиц, ни стогов, ни кузнечиков. Только усердней дается уже заступающий. Впереди меня шли по дороге трактористы, но я отстал от них. Я шёл и думал о Нюсе.

— Что же дальше? Неужели это конец её рассказа? Она так молчала ещё...

Тропинка изогнулась в другую, третью, пересекла неуглублённый овражек и вывела на бугор, на посеребренный дождевыми каплями полянку. Среди поляны возвышались одна развесистая берёза. Под ней стоял Никита Черемнов, а рядом, прислонившись к ней, Нюся.

Увидев нескладица появившейся человека, Нюся сильным движением руки переставила Нюся на тропинку и зачем-то вырвала её куском брезента. Нюся засмеялась и сказала, обращаясь ко мне:

— Вот любюся хлебом! Хлеб какой силы узнал! — показала рукой в поле, где только поздне заи по молодым деревьям, и снова засмеялась. Смех был не девичий, не беззаботный и знойный, что своё горе... И даже песни уже иной раз стала петь вслух... А дяде не знаю, как рассказывать... В другой раз, может...

Быстро, не оглядываясь, они поплыли с пригорок вниз. Пробужившиеся из ручья распустили дождевые цветы, и роса, как будто, оплетая стебельки травы. И в этот час узоры ясно отпечатались следы их широких шагов.

Николай МЗИН,
участник Совещания молодых писателей

ЭКСКАВАТОР

Лопата

Басня

Лопата Экскаватору сказала: — Не пойму
Во мне всё это или неау?

Здесь искони задумчивая тенью лежала,
Теперь — крушгород огней, металла,
Гребни холмов уходят ввысь,
В степном просторе — теснота, не повернись.
Скажи, куда же я пошла?!

— На трассу Волю-Донского канала.

— Охлять?

Вам опять стариков не в прок, видать! —
Восклицала Лопата.
И мы гитались когда-то.
От пола степи поныне солоная...

— Теперь иные времена,
Иная сила у Руси, иной размах!
Едва осязались, как колесасамозвала!
Запелась в пяти морях!
— Слово твоё, как пламень, горюю,
Да крепко ли плечо?

Вот я, бивало,
На диво каждому ковала —
Кубок, пожалуй, сьм за дель перевернись.

А толку ни на грош,
Всё так же оставалась далека
От Дона Волю-Донского река.
Безымянным одним подбодать
Друг с другим ни связать.
— Не в скачках те боатыры...
Но ошибись, сморти,

Лопата! —
Ответа, увы,малое, экскаватор.
И, не сгибая спину,
Одной приосроенный вынес на вершину
Четырёхдцать кубов земли!

Все чудо-сказки были в нашу жизнь вошли.

г. Сталинград.

Алексей МАЛИН,
участник Совещания молодых писателей

Пугубица

Басня

Лежала Пугубица в городе, на кладбище.
Вдоль до неё кончилась дорога,
Что отсюда хотя бы в село.
Она возмущена,
Она до досады:

— Ужасно мне не повезло!
Подумать только:
На пе-ри-фе-ри-и!

Там этот... как его... и черномёр.
При злегатности, извистие мой —
И вдруг попада в условия тяжёлые,
Бродить по полю, мокнуть под дождём,
Висеть на чьей-нибудь промашливой
сплечке!

Я рождена для лучшей обстановки,
Люблю спокойствие, уют.
Пойду на все уюлки,
Но останусь тут...
И на пол Пугубицы тотчас же свалилась
И в щель меж досок твоих закатилась...
— Четвёртый доз лежит она в щели,
В пыли.

Есть много, правда, редкие, что тоже
На эту Пугубицу кое в чём похожи
И там без пользы коротают дни,
Где ни к селу, ни к городу они.
г. Симферополь.

НОВАТОР

Это было в Москве, на заседании Учёного совета Министерства строительных материалов. Большой зал был заполнен до отката. Здесь были и профессора, и инженеры, и рабочие заводов.

С докладом выступил мастер скоростного обжига кирпича Павел Дуванов.

Проблемы технологии, экономики, конструкции обжигаемых печей — всё, о чём говорил докладчик, вызвало большой интерес у слушателей.

Когда Дуванов рассказал о своём последнем рекорде — 2800 штук кирпича с одного кубического метра обжигаемого канала, — в аудитории прошёл шёпот. Неожиданно один из присутствующих решительно поднялся с места:

— Пусть меня извинит наш гость, но я никак не могу верить фактам. Товарищ Дуванов говорит, что снял 2800 штук кирпича и сократил процесс со 140 часов до 44. Но такой скорости добиться невозможно...

Присутствовавший здесь министр вмешался в дискуссию.

— Товарищ Дуванов, — сказал он, — коренным образом изменил технологию производства и добился невиданных рекордов, а вы оперируете данными, почерпнутыми из книг прошлого века. Или новому скоростному методу обжига кирпича — дувановский, с чем вы и горячо поддерживаете.

Зал аплодировал.

Смущённый оппонент сел на своё место.

...

Павел вернулся из армии в Воронеж в конце 1945 года. Он увидел родной город в развалинах. Надо было как можно быстрее залечивать раны, нанесённые войной. Отдохнув, Павел отправился на кирпичный завод № 8, где работал до мобилизации в армию. Завод был уже восстановлен: дымилы трубы печей обжигали, бегали вагонетки, наполненные сырьём и глиной.

Павлу не терпелось поспать в свой цех. Когда он вошёл в него, то увидел старого обжигальщика Дмитрия Тихоновича Яценчука, затрунчившего Марию Кошелеву, сядушу Варвару Диженину и ещё нескольких товарищей, с которыми работал до войны. Они радостно встретили Павла.

— Как дела на печи? — спросил Павел.

— Черт знает как! — чуть не крикнув, ответила Мария Кошелева. — Всё у нас хорошо, всем мы довольны. План выполняется, кирпичный завод на хорошем счету у министерства — сиди на месте и руки потравь от удовольствия. А ведь на самом-то деле работаем по старинке, дедовским методом.



Павел Дуванов.

— Это не новость, — заметила Варвара Диженина. — Так работают все кирпичные заводы. — Чтобы сбить хотя бы один лишний кирпич сверх нормы, надо дожать всю технологию, — сказал Дмитрий Тихонович.

— А почему бы и не ломать старую технологию? — вмешался в разговор Дуванов. Он задумался и неторопливо прошёл к вагонеткам, заполненным проходами между печами. — Есть у меня план, — проговорил Павел. — Надо сажать в печь не 260 штук кирпича, как мы это делали до сих пор, а 220. Размешивая сажу, по моему расчёту, должна повыситься скорость огня и сократится цикл обжига.

— Разрешай мне проводить эксперимент в разгар сезона! — с волнением спросила Варвара Диженина.

— Разрешай! — проговорил кто-то решительно.

Все оглашенные. У входа в цех стоял директор завода Николай Петрович Бесседин. Он, оказывается, слышал Дуванова.

Вскоре на заводе были закончены работы по реорганизации печей и производства. Настал день пробы. В этот день у печи Дуванова собралось старое мастера, молодые, подсобные рабочие. Грузовики загрузили печь по методу Дуванова. С нетерпением ожидали результата.

Но результат оказался плачевный. Когда из печи вынули первую партию кирпича, то в ней оказалось много брака.

Но Павел был твёрдо уверен в правоте своего дела и продолжал огнём изучать характер брака, совершенствовать составленный им технологию производства. Из трёх шотов он оставил только один. Огонь стал быстрее проходить к сырцу. Вскоре Павел уменьшил количество кирпича, который сажал на обжигаемый канал, сократил так называемую зону впазры — места, где происходит обжиг кирпича.

Результаты превзошли все ожидания. Сначала Павел снял с одного кубического метра печи вместо нормы 600 штук 1112 штук, затем 1500, 1970, 2300...

В 1950 году Дуванов дал стране сверх плана в 2 миллиона штук кирпича, добившись съёма 2800 штук с одного кубометра печи.

Идея скоростного метода обжига кирпича быстро распространилась по стране. За изучением «секрета» Дуванова в Воронеж потянулись многие мастера кирпичного производства.

В гостях у знатного новатора ежедневно бывали посланцы из Латвии и Киргизии, с Украины и Алтая, из Белоруссии и Закавказья — со всех концов страны. Простые рабочие, мастера, специалисты и учёные пылко изучали новый метод обжига кирпича. Люди, побывавшие на кирпичном заводе в Воронеже, шипут в своих письмах:

«Метод Дуванова освоен, выработка удвоилась».

Павел Антонович часто выезжал на кирпичные заводы страны. Он уже побывал в Белоруссии, на Урале, на заводах Украины, Москвы, где делился своим опытом, помогая внедрить скоростной метод обжига. Страна ежемесячно получала дополнительно сотни миллионов штук кирпича. Это сотни новых домов и производственных корпусов, колоссальная экономия государственных средств.

Появились тысячи поселков-заводов Дуванова и в странах народной демократии. Недавно Павел Антонович получил письмо из Софии. «Другарь Дуванов, — писали ему рабочие кирпичного завода, — в 1950 году на нашем предприятии развернулась борьба за скоростной обжиг кирпича по Вашему методу. Мы уже достигли съёма 920 штук кирпича с одного кубометра вместо 480 штук. Обсуждаем и изучаем Ваш метод работы и стараемся ещё шире применить его на фабрике «Работница».

Президентов новатора Павла Дуванова трудившиеся Воронежца избрали депутатом Верховного Совета РСФСР. За коренные усовершенствования технологии, суши и обжига кирпича ему присуждена Сталинская премия.

Я. МАРГУНОВ

«МОРСКОЙ АТЛАС»

МОРСКОЙ АТЛАС



Учёные-картографы нашей страны достигли крупного успеха: ими создан «Морской атлас» — выдающееся собрание карт всех морей и океанов. До сих пор наиболее

известен был атлас, изданный английской фирмой «Филипп». Но этот атлас lacked откладной науки: он представлял чисто коммерческие цели.

Новый «Морской атлас», созданный группой советских учёных во главе с профессором Иваном Степановичем Исаковым, отличается от всех ранее существовавших атласов. В нём даны комплексные, общегеографические сведения не только о всех морях, но и прилегающих районах. На всей площади мирового океана показаны глубины, изоборы, грунты, отмечены постоянные и притливо-отливные течения, нанесены границы распространения льдов, показаны водово-

роты, скопления водорослей, приведены данные о магнитном поле.

В атласе впервые полностью восстановлены несудожные забытые географические названия, данные русскими первооткрывателями-путешественниками в Антарктике, Тихом океане, на Аляске и в других местах.

Всего в первый том «Морского атласа» вошло 83 листа, на которых помещено 202 карты и 220 видов крупнейших портов мира. На каждом листе в среднем нанесено 2450 географических названий, указано 2800 глубин, 250 отметок грунтов дна и свыше 200 отметок высот на суше.

В редакционном «Морском атласе» принимали участие виднейшие учёные страны — академики Л. С. Берг, И. А. Григорьев, В. В. Шумейкин, профессора В. В. Коржавский, К. А. Солнцев, Б. И. Орлов, Н. Н. Зубов и многие другие. Отлично отметить, что в работе над атласом участвовало более двухсот молодых специалистов, окончивших высшие учебные заведения уже после Великой Отечественной войны.

Советское правительство высоко оценило научный труд советских учёных. Им присуждена Сталинская премия. Среди награждённых: В. И. Воробейко, В. В. Павлов, А. Н. Баранов, С. А. Лукин, В. П. Герасименко и В. А. Петровский за «Морской атлас» удостоены Сталинской премии доктор наук.

Я. СУХОУКОВ



А. А. Авакян.

У ИСТОКОВ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ

Была зима тысяча девятьсот тридцать шестого года. Лысенко выводил новый сорт хлопчатника. В теплицах шла горячая работа, в вагонах выращивали растения, чтобы собрать к весне семена для посева. До известного момента хлопчатник развивался нормально, но затем сбрасывал цветы и бутоны, и не оставалось ни малейшего сомнения в том, что семена у экспериментатора не будут.

Среди десяти тысяч кустов глаз Трофима Денисовича Лысенко отличил в теплице три удачных растения и тут же открыл причину их благополучия: у них были случайно отомленые верхинки. Он так и полагал: верхушка поглотит очень много питания, потому-то его и не хватает для будущих семян. Тогда учёный обдумывает у хлопчатника верхинки и тем самым даёт ему возможность питать цветы и бутоны.

Вопрос разрешился: семена будут. Можно дать помощникам спокойно оканчивать своё дело. — Мы должны спасти ещё урожай нынешнего года, — сказал Лысенко помощникам, — до лета много времени, успеём...

Это был грандиозный план. Десятки тысяч исследователей из тридцати и зевенных должны были проверить у себя на полях действенность чеканики.

Умеем вы ухаживать за хлопчатником? — спросил Лысенко своего помощника Артавазда Аршаковича Авакяна.

— Да, я два года работал агрономом. Из короткого разговора ассистент узнал, чего именно ждут от него. Ему поручалось разработать приемы чеканики, сделать технику её лёгкой и доступной для каждого: изучить, как и когда надо начинать эту мало известную процедуру; учесть, разумеется, особенности условий в Украине, Кавказе, Крыму. Так как в некоторых случаях помеха верхинки приводит к буйному росту бесплодных побегов, как предостеречь такого рода зло. Выяснить попутно, как реагировать хлопчатник на чеканку в различных условиях среды.

Так начались непростые дела Артавазда Авакяна.

Он в тысячах вагонов высевает хлопковые зёрна, создаёт климат и почвы, разнообразия которых могла бы позавидовать природа. Небольшая группа людей в несколько недель обучила чеканке семнадцатидесять тысяч бригадиров, зевенных и агрономов, распространив свою деятельность по Крыму, Украине, Кубани, Ставрополью.

Семьдесят тысяч центнеров хлопка подарила чеканка в то лето стране. Новый метод прочно вошёл в практику хлопководства.

Тема об отношении между организмом и средой увлекает Авакяна. В одном из своих исследований, «О наличии признаков двух отцовских сортов в гибридном потомстве», напечатанном в журнале «Агробиология» в 1948 году, он рассказывает об интересном эксперименте. Как и в пору чеканки, он так долго создавал разнообразные среды для растений яркой ржи, что сумел получить потомство со свойствами заранее намеченного им родителя. Наследственные признаки отца были настолько ослаблены искусственной средой, созданной экспериментатором, что не проявила себя после скрещивания с женским растением, выведенным в нормальных условиях.

В том же 1948 году в исследовании «Наследование приобретённых организмами свойств» Авакян рассказывает, как он, изменяя тепловую и световую среду растений, решительно менял их наследственные свойства и закреплял эти перемены в потомстве. Так, из озимых сортов пшеницы «Новокрымка» и «Кооператорка» были получены провальные формы. В данном случае наследственность, заключает автор, не обуславливала каким-нибудь особым веществом, заключённым в половых клетках, так как перемены возникали в результате не скрещивания, а изменений условий среды.

Было время, когда Авакян творил странные вещи, или «ещёшники», как он выражался. Картофель красного сорта приноси ему синий сорт, синий давал красный или белый. Окрашка потомства зависала от экспериментатора.

Не будем утруждать себя догадками: скрещиванием тут и не пахло, пылью не переносились с цветка на цветок, всё происходило, как в кукурузах. Заглянем в теплицу, в самую фабрику чудес, и нам всё станет ясно.

Вот зелёная ботва длинными рядами идёт вдоль стеждлажа. Присмотритесь к ней ближе: она обезглавлена, к каждой принята верхинка чужого сорта, различимы листья и стебли. В этом весь фокус, в остальном — никаких уклонений. Корни всасывают питание, соки по стеблям поднимаются вверх, чтобы подвергнуться в листьях химической обработке и вернуться по стеблям назад. Тут-то и происходит делёжка заманика. Листья верхинки изменяют эти соки применительно к потребностям собственного сорта. Легко ли корням творить синие клубни, когда к ним притекает неподходящий материал? Что делать растению: отказаться от пищи и умереть?

Таков аппарат для проверки гипотезы Лысенко, что питание изменяет растительные и половые клетки, самый организм и потомство его.

Картофель не сдавался, сасно предчувствуя, что это к добру не приведёт.

— Не хочешь, — сердился Авакян, — не надо! Посмотрим, кто сильнее!

Растения гибли, но экспериментатор не унывал. Днём он глаз не сводил с обезглавленных питомцев, а ночью продвигал в теплицу новые и новые прививки. Они должны подчиниться, никто им не позволит срывать его омы!

Противоречие между верхинкой и корнем — сортовой разброд в организме — разрешился несомненным путём. Как и следовало ожидать, судьбу потомства решали верхинки. Картофель становился синим или иным в зависимости от того, какую пищу давали ему листья. Реже сохранялись обе окраски, но новые качества навсегда закреплялись в потомстве.

Прошло с тех пор пятнадцать лет, а творческая мысль учёного продолжала жить в кругу этих идей. В своём исследовании «Цветение двухлетних культур в первом году жизни», напечатанном в 1950 году, Авакян рассказывает о том, как прививая двухлетние овощные культуры на однолетние, он понуждал двухлетнюю культуру, вопреки её природе, вступить в первый год своей жизни.

За свои работы по чеканке хлопчатника член-корреспондент Академии наук СССР Артавазд Аршакович Авакян удостоен Сталинской премии, а теперь, спустя несколько лет, он вновь удостоен этой высокой награды за исследования, счастливо продолжающие это начинание.

Александр ПОПОВИЧ

ПОВЕСТЬ О СМЕЛЫХ ХАРАКТЕРАХ

Повесть Ф. Гладкова «Вольницы» по праву принадлежит к лучшим достижениям нашей советской литературы.

Написать книгу о пережитом советами Гладкову и Алексее Максимович Горький и Михаил Иванович Калинин. «У нас это выйдет, непременно выйдет», — говорил Михаил Иванович Гладкову. — Вы рабочий мир знаете хорошо: с ним вместе прошли весь путь».

Михаил Иванович не ошибся. Как «Повесть о детстве», так и «Вольницы» относятся к числу наиболее ярких произведений о прошлом русского народа.

Обе эти книги носят автобиографический характер. Герой книги, мальчик Федя, от имени которого идёт повествование, — это сам писатель Гладков.

Ценность этих книг в том, что писатель не просто рассказывает разные случаи из своей жизни. Пережитое глубоко осознано им. Из всей огромной массы воспоминаний художник отобрал наиболее типичное, характерное.

В «Вольнице», являющейся органическим продолжением «Повести о детстве», значительно расширяется круг наблюдений героя книги. Жизнь раскрывается перед ним, как широкая Волга, по которой едет он в начале повести из родной деревни в Астрахань. Потом мы видим его живущим в городе. Центральное место в повести занимает рассказ о жизни на Жилой Косе, одном из крупнейших рыбных промыслов. Уйти из деревни на заработок в город или промысел называлось тогда «уйти в вольницу». Живя в Астрахани и на рыбном промысле, Федя задумывается над социальными несправедливостями, рассказывает о вольных, сытых котиках, на первый взгляд, не может быть доступен мальчику.

Писатель показывает, как зреет в сердце Федя ненависть к угнетателям. Из деревни Фе-



Федор Гладков.

дя вышел с чувством притесненности и божии «сперд господами и начальством». На пароходе оскорбительный окрик барачника он воспринимает «как естественное выражение господского презрения». Но постепенно мальчик освобождается от божии, страхи, он активно проявляет свою ненависть к поработителям.

С чувством глубокой ненависти говорит Федя о мучителях трудового народа. Сиромом в тленном оде у «хозяина Павла Ивановича, прованного Жеремко». Это кровавое топи уводит нас к копейке, сжить со суеты единственного своего сына, чтобы сохранить «доходы», то есть нагребенное.

«Владыка нашего времени, господин капитал», как называет один из героев книги купца Пустобаева, ярко представлен в повести в образах Пустобаева и купца Бляхина.

Античеловеческую сущность «господина капитала» художник Глазков раскрывает не только показом грабительских дел Пустобаева и Бляхина, но и меткими, прямыми характеристиками, даваемыми угнетателям рабочими людьми.

Глазков, рисуя образы эксплуататоров, показывая, что жеребик, бляхины и русской натуры. Бляхины, пустобаевы — это «международные грабители», их мораль — типичная мораль империалистического хищника, независимо от национальности. С угрюмым упорством твердя выведенным Глазковым запискам «единственную истину»: «каждый человек — вор», «все люди — воры». Они признают одно «правду»: «правда — грош цена», «ябло слопать не правду, а хозяину», «с правдой-то не прожизнись».

Подлинными носителями национального русского характера, показывает Глазков, являются люди труда. В повести «Волнышка» Федя встречается с новыми людьми, с представителями рабочего класса. Многие из них он полюбил своей чистой, глубокой любовью, ради них готов на самопожертвование, старается по-своему помочь им. Бондарь Григорий Безруков, рыбак Карп Ильич Корней, Балберка, кузнец Игнат и Тарас, резальщики Прасковья, Наташа, Оксана и многие другие образы тружеников изумляют Федю своим мастерством, смелостью в борьбе с угнетателями и стихиями природы.

С горячим сердцем говорит Федя о родных людях, которые помогают ему понять, что трудящиеся человеческие существа. В борьбе с угнетателями, которые борются за такое счастье, «чтобы всем нам, всему рабочему люду было хорошо, чтобы всею любовью своей он хозяином был, чтобы труду всех богачей и устроил счастье без кабалы, без насилования, без царей, без полиции... А за это драться надо, не щадя живота, своего...»

В борьбе с угнетателями проявлялись лучшие черты характера русского человека. В коллективе рабочих промысла, в борьбе расчитываясь ранее замучившемуся сыну свекра, мужа и начальства мать Федя.

Внутреннее богатство положительных героев повести Глазков раскрывает и показом их отношений к природе. Если пустобаевы и бляхины своими записками и буждущими глазами не видят ни моря, ни степей ноба, то люди труда, как ни тяжела их жизнь, испытывают подлинную радость от яростной игры моря, от волжских зорь. Странные повести «Волнышка» пропитаны проникновенной любовью к родным русским людям, родной природе. Как живая, течет перед глазами читателя живописная Волга, описание которой посвятил Глазков немодам страны. В повести звучит великая русская речь, ясная, чистая, меткая.

Более пятидесяти лет отделяют нас от событий, описанных Глазковым в «Волнышке». Герои повести существуют в своем замкнутом мире Волга служит нашему народу. Великие стройки коммунизма воздвигает советский народ на берегах могучей реки. Но повесть Глазкова о том, «какой путь прошли люди старшего поколения, какую борьбу выдержали они, чтобы дети и внуки их могли жить счастливой жизнью» (Горький), волнует советских читателей. Вот почему своему любимому писателю, всегда говорившему правду о русском народе, о советских людях, пишут читатели благодарные письма.

Среди этих писем есть одно, которое нельзя читать без волнения. Оно написано учениками деревни Чернявка той деревни, в которой произошло безрадостное детство мальчика Федя. Один из молодых читателей пишет Глазкову: «Повесть «Волнышка» учит нас, молодежь, любви к Родине, к труду, открывает великой и героической верой в человека большое и светлое на земле — верой в человека советского, русского человека».

Иван УХАНОВ

СЛОВО В МИРЕ

Люд в притихшем зале, затая дыхание, слушают взволнованный рассказ о жизни простой советской колхозницы, Героя Труда Катерины Никаноровой...

Артистка Центрального театра Советской Армии Валентина Попова впервые читает свою новую работу — композицию по сценарию Антонова «Посланец мира». Ее слушатели — работники завода «Калибр».

Между театром и заводом существует тесная творческая связь, закрепленная договором о сотрудничестве. Калибровцы уже слушали В. Попову в себя в заводском клубе, и ее новая работа вызвала у них большой интерес. Внимательно следит она за актрисой, рисующей перед ними картины жизни Никаноровой.

...Вот Никанорова поднимается на трибуну Всемирного конгресса мира, и в ее словах, клеймящих поджигателей войны, огромная сила и гнев. Вот она занавест протекую колыхальную песню, и низкий голос звучит сильно, строго, почти грозно, и бесхитростная колыхальная песенка кажется торжественным гимном матерей...

Никанорова у В. Поповой — это простая советская женщина, скромная труженица, как много в нашей стране. Актриса раскрывает всю чистоту ее мыслей и желаний, с теплым юмором передеет ее детскую непосредственность, наивность, и это глубоко верно, «и каждая мать — сто раз дитя в душе своей» (Горький).

Попова создает обобщенный, поэтический образ советской патриотки и матери.

После концерта возникло обсуждение новой работы Поповой.

Простое слова скромная немолдовая женщина. Поднявшись с места, она некоторое время молчит, словно преодолевая волнение. Потом говорит негромко и просто:

«Я хочу сказать вам только одно: наше чтение гласно было заглавно маме... Мой сын, как и сын Никаноровой, погиб на войне... Мне кажется, у меня в ушах и сейчас звучит ваш голос, колыхальная песенка Никаноровой, крик Васьки... Мой Олег, прощайте, тоже горюх: «Маме, не плачь!» Разрешите сказать вам от всего сердца спасибо».

Эта благодарность, идущая из глубины сердца матери, была самой большой наградой актрисе за ее работу.

В. Попова добавляет то, что, слушая ее, мы видим людей и события, о которых она говорит, почти так же зримо, как на экране или на сцене.

«Посланец мира» — это вторая большая работа Поповой, посвященная теме борьбы за мир. Первая ее композиция носила название «За мир за демократию» и была составлена из стихов советских и зарубежных поэтов.

Попова читает стихи Турсун-заде, Назыма Хикмета, Пабло Неруды, Лентского, Хьюза, и эти поэтические голоса побуждают и демократии словно сливаются в один пламенный призыв к борьбе за счастье человечества.

Очень смелое, интересное решение нашла Попова для стихотворения Николая Глинка «Кубак». Первые строки актриса произносит протяжно, чуть нараспев, прищипывая пальцами, словно касаясь: «Моя родина кажется сахарной...»

Варуг, затаившись, она прикладывает руку ко рту и горло, тихо говорит: «Но сколько горечи в ней!» И снова оглушающий (ведь кругом враги!) она делает несколько танцевальных движений и как ни в чем не бывало продолжает:

А небо над ней, как чудно,
Ни грозы, ни туч, ни бурь...

Перед нами маленький, с предельной яркостью сыгранный спектакль. Нет ни декора-



Валентина Попова.

ции, ни партнеров, но актриса заставляла нас увидеть и мрачный, бедный портной кабачок, и нагих янки, и куку дружок, которым отважная девушка успевает во время пения сообщить важные сведения, призвать их к борьбе. Это живая и правдивая картинка жизни народа, эпох его борьбы, который является как бы иллюстрацией к словам представительницы Кубы на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира: «Несмотря на незначительные размеры своей территории, Куба будет серьезным препятствием для всех сил, угрожающих всеобщему миру».

Замечательно читает Попова записанное со слов колхозницы Джиамалиевой стихотворение «Да здравствует дружба!» Актриса тонко передает мелодию народной речи, плавно, чуть напевно льется простой рассказ азербайджанской колхозницы, которая любовно, неторопливо отбирает слова, чтобы как можно лучше воспеть родную страну, партию, великого Сталина.

Задумчиво говорит она о Сталине, давшем народу свободу и счастье. Она произносит его имя нежно и бережно, как самое дорогое, самое прекрасное слово своей жизни.

Легко, будто сами собой, рождаются яркие образы, превосходные сравнения. Попова словно многоцветными шелками вышивает искусные узоры слов.

На лице ее счастливая и застенчивая улыбка, словно она сама радостно удивляется тому, как легко льется у нее слова, как внимательно слушают ее люди. Кажется, что мы присутствуем при самом рождении чудесного произведения народного творчества.

Валентина Попова вместе со своим режиссером Н. А. Силинским неустанно ищет наиболее яркого выражения идеи исполняемого произведения.

Актриса обладает прекрасными данными: у нее низкий сильный голос, большая музыкальность, острое чувство ритма. Но основой ее успеха — это большой повседневный труд, подлинная творческая целеустремленность.

Основная тема творчества молодого мастера художественного слова Валентины Поповой — борьба за мир.

Каждый ее концерт — это, по сути дела, всегда страстное политическое выступление, горячо сказанное слово о мире.

Искусству В. Поповой находит горячий отклик у советского зрителя. Правильно и высоко оценено работу актрисы, присудив ей Сталинскую премию за концертно-исполнительскую деятельность.

Борис ЛЬВОВ

ЯНКИ В ЕВРОПЕ

Рисунки П. Влаасенко



— Правда ли, что Трумэн говорит по-английски?
— Бруда! Это Эттин говорит по-американски.

— Для какой, собственно, цели американцы изучают в университетах международное право?

— Должны же они, по крайней мере, знать, что они поправляют.

— Ачесофф тщеславнее Вашингтона.

— Почему ты так думаешь?
— Вашингтон сделал из английской колонии американское государство, а Ачесофф делает из Англии американскую колонию.

На память!

Друзья Пабло Пикассо немало были изумлены тем, что гитлеровцы, войдя в Париж, не тронули знаменитого художника. Этим, видимо, они рассчитывали расколоть в свою пользу общественное мнение Европы.

Офицеры вермахта во время оккупации часто посещали мастерскую художника. Каждого из этих неирожденных гостей Пикассо принимал молча и так же молча выводил из мастерской. На прощание «гости» получали от художника репродукцию знаменитой картины, изображающей разрушение фашистской авиацией испанского города Герники.

После вручения «подарка» Пикассо неизменно произносил одно только слово:

На память!

Однажды в художником явился представитель оккупационных властей — агент тайной полиции — предвзятый репродукцию, спросил:

— Это ваша работа?

— Нет, — ответил Пикассо, — это работа моего друга!



— Как вы достигли таких замечательных результатов в стрельбе? — спросил солдат одного французского гарнизона.

Очень просто: наши мишени на стрельбище были куплены американских подданных войны.

(Текст — из немецкой газеты «Рундschau ам Монат».)

Ник. ШПАНОВ

СВЯЗНАЯ ЦЗИНЬ ФЫН

Продолжение. См. «Смену» №№ 6, 7 и 8.

Когда Цзинь Фын пришла на огород за мухомором, сторож ел суп из кашпеты. Девочка была голодная, и суп так хорошо пахнул, что она не удержалась и вткнула носом в суп.

Пин-эр увидел это и подал ей палочки:

— Ешь, а я тем временем разведую.

Девочка с жадностью проглотила глоток теплого супа и выложила один кашпетный листок.

Пин-эр вернулся, палочки лежали поперек дорожки, и супа в ней было столько же, сколько прежде. Сторож вложил палочки в руку девочки и сказал:

— Ешь, а я то я рассержусь.

— У вас под землей всего больше, чем у вас. Зачем я буду вас обидеть? — сказала она, хотя ей очень хотелось есть.

Он взял палочку в обе руки и сделал вид, будто хочет выплеснуть суп. Тогда она испуганно схватила палочки и быстро съела всё.

— Теперь поезжай, — сказала Пин-эр, — вокруг окопной.

Девочка пошла в конец огорода, где росли кусты шиповника, и юркнула в скрытую среди них ямку.

Когда она вышла из калорифера, то сразу увидела, что старый Хо чем-то обеспокоен. Он делал то, что позволяла себе только в самых, самых крайних случаях, когда очень волновался: сидел на корточках и, куря трубку, вымускал дым в отдушину. Это было очень рискованно. Если гоминдановцы почувствуют мажорский запах дыма в комнате, куда войдет потайная лаз из шкафа, загороженного картинами, они могут начать поиски.

Девочка с укоризной поглядела на Хо, как старшая на шалуна, и старик смущенно придала тлеющий табак почерневшим от грязи пальцам.

Хо был темный, страшный и ещё более бледный, чем её товарищи-партизаны, живущие в катакомбах. Потому что он тоже жил под землей, но жил один. Совершенно один, без товарищей, и уже совсем лился-когда не лезла наверх.

Хотя никто не мог их услышать, Хо сказал шёпотом:

— Сейчас же иди к «Медведю».

— Зачем?

— Таков приказ по радио, — и он зашептал так же, как только что шептала она.

Это было сообщение Пин Дэ-хуа о прибитии парашютистки.

Девочка почувствовала, как сжалась её

пальцы на её плече.

— Сейчас же иди, это — неотложное

дело.

— Хорошо, — сказала девочка как могла более твердо, но ухом, привыкшим улавливать малейшие шумы и интонации, Хо различил в её ответе колебание. Потупившись, она повторила: — Хорошо.

Цзинь Фын была поднималась, но почувствовала, что сейчас упадет от

усталости.

— Что с тобой? — спросил Хо.

— Если вы разрешите, я совсем немножко отдохну.

Его пальцы, не отпуская её плеча, сжались ещё крепче, и он

сказал:

— Дитя моё, нужно идти.

— Хорошо.

Она встала на корточки и полезла в трубу. Она уже собиралась вылезти в огород, когда услышала голос сторожа музея, очень громко с кем-то говорившего. Она попыталась в темноте; пошла и пошла, пока не исчез счастливый квадрат выхода, и тогда легла.

Цзинь Фын лежала до тех пор, пока дала не послышался голос сторожа, тихонько напевавшего:

Девушки хорошие, смелые и юные.

С теми умными дутыми бровями...

Это значило, что опасность миновала, и Цзинь Фын выползла наверх, чтобы поспешить к «Медведю».

Ити было недалеко, но зато это был оживленный район города. Не очень-то приятно было ходить тут, шмыгая между прохожими, из которых каждый третий был шиком яиншифановской полиции.

Цзинь Фын не спеша поднималась по улице и как бы невзначай останавливалась перед маленьким магазинчиком с вывеской «Медведь».

Прежде чем войти, нужно было проверить, есть ли на вывеске флажок ордена «Черная кошка». Флажок был пустой, только для витрины. Это гарантировало от того, что какой-нибудь настойчивый покупатель может взять его, не считаясь с ценой.

«Черная кошка» была на месте. Значит, можно было входить.

Цинь Фин отворила дверь и скромно остановилась у двери. Купец продолжал делать вид, будто не замечает присутствия девочки. Отдав последний почтительный поклон покупателю, он принялся за чтение книги, лежащей на высокой полке. Читал он азбуку, парадясь, замечательным поспысаям спиту длинной объёмной рукой из слоно- вой кости. При этом он так ловко, что не замечала даже Цинь Фин, косился на двери и окна своей лавки.

— Маленькая девочка была там, где американские монахи молятся богу? — не отрываясь от книги и также парадясь, словно продолжая чтение, спросил купец.

Девочка ответила молчаливым кивком головы.

— И пердала всё, что ей было велено?

Кивок повторился в том же молчании.

Тут голос купца стал ещё монотонней — он почти пропел, понизив, однако, голос до полнотона:

— И теперь она тотчас отправится обратно.

— В миссию? — с испугом вырвалось у Цинь Фин, но она тотчас спохватилась и, испуганно оглядевшись, уставилась на купца. А тот продолжал:

— Она передаст sporoу у Бай, что вместо своего человека в миссию может пойти... американская шипока... с нашим паролем. Девочка передаст: «Мы полагаем, что наша работница, сброшенная на парашюте, могла быть убита при спуске. Быть может, тело найдено в овраге под Сюйгоу... это тело нашего человека. Мы этого точно ещё не знаем. Поэтому товарищи в миссии должны быть очень осторожны». Потом девочка вернётся к командованию «Красных кротов» и повторит и выяснит, кто убит: наш человек или враг?

Цинь Фин напряжённо вслушивалась в каждое слово купца. Лицо её отражало величайшее внимание.

Купец кончил и, видя, что Цинь Фин замешкалась у прилавка, устали в книгу и настойчиво произнёс:

Девочке пора уходить.

Цинь Фин закусила губу, чтобы не дать вырваться словам, просившимся на язык: «Не позволите ли мне немного отдохнуть?» Она молча повернулась и вышла на улицу.

Почему тут купец оторвался от книги и проводил девочку долгим взглядом. Если бы она обернулась и увидела этот взгляд, то, наверное, подумала бы, что для этого человека она самое дорогое существо на свете.

8

Обед в миссии подходил к концу. Припадый рыжий американец в форме майора раздражённо постучал ложечкой по блюду и, заставив замолчать болтливого Биба, спросил соседа:

— Вас тоже уведомили, что комната должна быть очищена сегодня же?

— Да, конечно, — ответил сосед. — Здесь это вполне в порядке вещей. Дом всегда очищают, если сюда собирается прибыть какая-нибудь важная персона.

Рыжий сердито оттолкнул стул и вышел из-за стола.

За ним вскоре последовали и остальные, кроме агентов.

Как ты думаешь, когда сюда явится эта Ада? — спросил Биб Кароль.

Обсуждая все возможные обстоятельства следования таинственной начальницы, агенты принимались высчитывать сроки её прибытия в миссию. — Сегодня ночью приехала в город. Ванна, парикмахерская, валяние в постели... Раньше задерживала для Библи её не увидит. Девушка уйдёт на разговор с начальством. Надо думать, для через два-три, выплывшая. Она созволила прибыть сюда. До послезавтра нам ничто не угрожает. А там мы примем следить за каждым приближающимся автомобилем, чтобы не прозевать приезда этой Ады. До послезавтра...

— Воображаю, с какой попой эта дура сюда явится, — проворчал Кароль.

Они чокунулись. Звон стекла ещё висел в воздухе, когда Бибу почудилось, будто чья-то тень легла от двери поперёк стола. Он быстро обернулся и замер с открытым ртом: в дверях веранды стояла китаянка с красивым, энергичным лицом, обрамленным гладко причёсанными иссиня-чёрными волосами. Сразу бросалась в глаза чёрная родинка на её лбу, чуть-чуть выше переносицы. Это была Мей.

Если бы Биб накануне ночью побывал в овраге под Сюйгоу, он узнал бы в Мей ту, что вышла из оврага и под взглядом Сан-тин разглядывала записку, а потом умчалась на автомобиле. Но Биб видел эту женщину впервые.

— Кто вы? — рявкнул он.

— Откуда вы взялись? — грубо спросил и Кароль.

— Вот... она смущённо показала на балконную дверь: — в эту дверь.

Эта дверь не для первого встречного.

Мей обвела их насмешливым взглядом больших тёмных глаз и негромко, с необъясненным спокойствием проговорила:

— Но я пришла именно сюда; я надеюсь найти приют под сенью звёзд и полюс.

Она не успела произнести до конца этот парол, как Биб, расшаркиваясь, проормотал:

— О, если бы мы знали, мисс Ада! Прощу

поверить: только по долгу службы... Ведь мы никого, решительно никого не впускаем сюда без...

— Мы на виду, — проговорил Кароль.

— Это и видно, — прочли сказала Мей. — Я прошла сюда никем не замеченная.

— Непосетимо! — Краткие плечи Биба поднялись до самых ушей. — Мы отлучились всего на минуту, чтобы подкрепиться. Эта работа дьявольски выматывает. Мы сейчас же представим вас хозяйке — сестре Марии.

Мей остановила его жестом:

— Она не должна знать, кто я.

— О, она вполне свой человек! На неё мы можем положиться, как на самих себя, — вмешался Кароль.

— Сомнительная рекомендация! — усмехнулась Мей. — Всё, что от вас требуется, — устроить меня сюда на работу.

— В качестве?

— Врача, — коротко приказала Мей и, не оставляя времени для вопроса, тут же спросила: — Здесь, говорят, не совсем спокойно?

— О, тут настоящий вулкан! Особенно опасны неуловимые «Красные кроты» — партизаны, скрывающиеся под землёй.

— Вы что-нибудь замечали? — с интересом спросила Мей.

— Тут есть одна злобная старуха, — сказал Биб, — Анна, здешняя поварака.

Мей испытующе взглянула на агента:

— Вы её подозреваете?

— Как только мы её застаём... — сказал Кароль.

— Лишняя формальность, — сказала Мей. — Её нужно попросту уничтожить. Я этим займусь. — И как бы незначая прибавила: — Кстати, вы совершенно уверены в преданности той, которую здесь называют сестрой Марией?

— Нама с головой, — уверено сказал Биб.

— Безусловно, — подтвердил Кароль.

Дверь отворилась, и своєю эластичной, немного пританцовывающей походкой вошла Ма. Женщины смерили друг друга быстрым, испытующим взглядом.

Мей первая сделала шаг навстречу Ма, протянула ей руку:

— Меня зовут Ада.

Ма молча приняла пожатие. Потому ли, что было очень жарко, а Ма, идя сюда, торопилась, или потому, что безотчётное волнение овладело ею под прямым взглядом пронизательных глаз гостя, но Мей видела, как краска покидала щеки китаянки. Биб сам был слишком взволнован первой беседой с новой начальницей, поэтому он не заметил ни этой бледности, ни того, как Ма чуть-чуть прикусила губу, когда Биб представил ей гостя:

— Мисс Ада — новый врач миссии.

— А теперь, — перебила его Мей, — мне нужно съездить в город за вещами... Могу ли я быть уверена, что вы в моё отсутствие внимательно осмотрите окрестности виллы? На генерала Ян Ш-фаа готовится покушение.

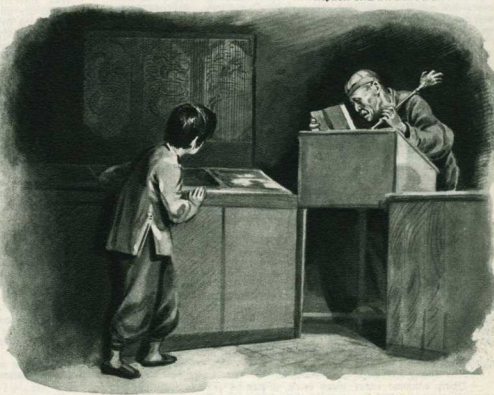
— В Джингу поменьшались на покушениях, — со смехом ответил Биб.

— Партизаны поклялись его похитить, — сказала Мей.

— Если бы речь шла о том, чтобы выстрелить в него или взорвать его автомобиль, я бы ещё поверил. Но такие детские попытки обречены на провал.

— Это хорошо, что вы так уверены, — негромко проговорила Мей.

Рисунок Г. Балашова



Купец продолжал делать вид, будто не замечает присутствия девочки...

В задании, полученном от «Медведя», Цинь Фын не видела ничего странного. Она привыкла ко многим, что показались бы необыкновенным человеку, пришедшему со стороны и не видевшему сложной борьбы, происходившей между подпольщиками и врагами — силами японцами, потом гоминдановцами и, наконец, американцами. А Цинь Фын видела так много и слышала такое, что уже ничему не удивлялась и ничего не пугалась. Она не хуже взрослых знала, что ждёт её в случае провала, зная, какими средствами гоминдановцы будут пытаться у неё мести, дасть, пункти. Но она не боялась, что выдаст товарищей. Ведь её сестра Цинь Го была зла, как Батлер. Так же будет вести себя и полиция и охотники. Но... всё-таки лучше как можно меньше помнить. Прав командир, всегда повторяющий ей: «Будь как телефонная трубка. Впустила в ухо, выпустила через рот, и всё забыто».

Сейчас она должна бежать в миссию так быстро, как только может её усталые ноги. Нужно срочно предупредить товарищей о возможном наступлении противника. Потом она так же быстро вернётся в штаб. Сколько ли это будет? Цинь Фын пробовала подсчитать и сбился. Много, очень много ли. Пожалуй, больше, чем она сможет пробежать за этот день. Даже больше, чем может пробежать вражеский партизан!.. И всё-таки она должна их пробежать!

За эти минуты размышлений совсем незаметно прошёл тяжёлый кусок пути. Сейчас же после поворота, отмеченного кругом и стрелой, будет виден свет, падающий из колодца. Конечно, вот и поворот! Вот знак: круг, а в круге стрела. Но странно: девочка миновала поворот с кругом и стрелой, а света из колодца всё не видно. Странно, очень странно... Вот в луче фонаря мелькнули и камни колодезной кладки. Но почему эти камни торчат из кучи земли? Почему у края земли высятся до свода, почему обвалился и самый свод?..

Цинь Фын с беспокойством осматривала неожиданное препятствие. Ведь если торчащие здесь камни действительно являются частью колодезной трубы, — значит, он обрушился, значит, выхода на поверхность больше нет! Этот обвал означал, что Цинь Фын неизбежно вернётся назад и уже никогда, на поверхности, искать обхода гоминдановских патрулей, чтобы попасть в миссию... Страшная мысль пришла ей: а уж не побывала ли тут полиция, не её ли рук это дело — обвал колодезя?.. Но зачем полицейские оказались бы тут, около колодезя? Ах, как ей нужно знать, что случилось наверху!

Девочка в отчаянии опустила на кучу земли и погасила фонарик. Внизу парила тишина, хорошо знакомая ей тишина чёрной пустоты подземелья, куда не проникает ни один звук из внешнего мира. Там, наверху, может происходить что угодно, какие угодно события могут потрясти мир — здесь будет всё та же чёрная тишина...

Хватит ли у неё сил на то, чтобы, вернувшись к выходу в город, ещё раз проделать весь путь к миссии поверка?

Цинь Фын пошла, не замечая того, что ноги её уже не передвигаются с прежней лёгкостью, а на каждом шагу её стоптанные верёвочные сандалии шаркают по земле, как у старухи.

Цинь Фын уже не бежала, а шла. Она несколько раз пробовала перейти на бег, но ноги её застревали в земле. Она замечала это, замечала, что ноги почти переставали двигаться. Она снова заставляла себя ступать быстрее, а ноги снова останавливались. Так, борясь со своими ногами, Цинь Фын перестала думать о чём бы то ни было другим: ноги, ноги! Все её силы были сосредоточены на этой борьбе. Вероятно, поэтому она и не замечала, что её эсэевский фонарик в каждой руке всё туже и туже сжимает.

Цинь Фын только тогда заметила, что её батарейка израсходована, когда волосок в лампочке стал совсем красным и светил уже так слабо, что девочка то и дело спотыкалась о торчащие на земле острые камни. Производящая её сознание мысль, что через несколько минут она останется без света, заставляла её побеждать так же быстро, как она бежала всегда. Как будто в эти несколько минут она могла преодолеть расстояние, отделяющее её от выхода в город.

Но вот исчезло последнее, едва заметное красноватое пятнышко на земле. Цинь Фын останавливалась перед платной стеной темноты. Нужно было собраться с мыслями.

Платинит холм был сложен, они часто развешивались. Время от времени на стенах встречались знаки: круг и стрела. Это значило, что нужно идти прямо; если стрелка в круге опрокидывалась остриём книзу, — значит, нужно было повернуть влево; если глядела остриём вверх — поворачивать надо было вправо. Эти знаки были ясно видны при свете электрического фонаря. Но какой был в них толк теперь, когда у девочки не стало света?

Цинь Фын крепко закрыла глаза руками, думая, что так приручит глаза к темноте. Но как она ни напрягала зрение, не могла различить даже собственные кулаки, поднесённые к выходящим рукам и кончикам пальцев, издавая минимальную опущенную шершавую стену подземного хода. И всё-таки её большой и смелой душой было направлено на то, чтобы не позволить отчаянию овладеть сознанием, живущим в её маленьком теле, таком слабым и таком ужасно, ужасно усталом...

10

Чем больше рассудительная, хотя, может быть, и чересур осторожничая Го Лин думала над заданием, тем больше неясностей казалась ей, что ей удалось бы выполнить. Их было три женщины. У Вэй — единственный мужчина на их стороне. А там один Карол стоит их всех, вместе взятых, да ещё Биб, да Янь Шан-фан, и Мария, и Стелла, которая работает с генералом. Нелегко было говорить о выполнении такой задачи.

— Ты забываешь, — возразила Тан Кэ, — что к нам придёт подкрепление.

— Что может изменить один человек?

— Центр отчаянно знает наши силы, и раз он всё же дал нам это задание, значит, всё рассчитано. — Смысла шёлки Тан Кэ потемнели

ДЕСЯТЬ ДОЛЛАРОВ

Рассказ-быль

Нел Блестер только к ночи добёрся до города Балтимора. Остался за спиной, и вот его ноги ступают по мостовой Лонг Бича.

Бездорожье на улицах. Лишь один раз мимо промчался авто, всея собой загнувшегося бизнесмена. Не видно и подносимое: один зашел в ресторан согреться стаканом

Рисунок В. Трубовича



чником виски, другие дремлют, сидя на скамейках скамеечках в тёплых подъездах. Трудно найти охотников, которые согласились бы добровольно молчать под дождем в эту холодную осеннюю ночь.

Но Блестер рад, что наконец он пришёл в Лонг Бич. Искорна надежды теплится в его сердце. Завтра он будет участвовать в соревновании, и, возможно, получит премию.

Дождь перестал. Показалась луна. Блестер остановился и вынул из кармана лист плотной рекламной бумаги, чтобы ещё раз прочитать объявление, ради которого он пришёл в этот город.

«Лонг Бич. В городском парке ежедневно проводится состязание на выносливость. Входная плата 25 центов. Желательно принять участие в соревнованиях обратившись к...»

Знакомый гуд закрыл луну, слова рассыпались в темноте. Блестер, наизусть зная текст объявления, всё же шептал пальцами толстую бумагу, стараясь осознанием прочесть остальное. Долго его коржились, монолог палача беспробно скользил бы по гладкой поверхности листа, но снова выгнулась луна.

«... к мистеру Фолкнеру. Победителю состязаний на выносливость выплачивается премия — 10 долларов», — гласило объявление.

«Десять долларов! Неудурно. Недельный заработок рабочего», — подумал Блестер. — А алрут Билд прав: никаких соревнований не будет, и я напрасно потеряю время? Ведь очень часто городские управы вывешивают ложные объявления о том, что в каком-нибудь другом городе принимают на работу, чтобы таким путём заставить безработных уйти из своего города. Может быть, и соревнования в Лонг Биче — это очередная «утка» Балтиморской мэрии?»

Блестер с беспокойством посмотрел по сторонам и, увидев недалеко афишную доску, направился к ней, чтобы рассеять свои сомнения. Среди разнотравных реклам, призывающих купить новые патентованные подтяжки, пить «кока-кола» и курить только сигареты «Олд Вест», красовалась и знакомое ему объявление.

Блестер коротко и хрипло рассмеялся и приблизил лист к афишам. Воля носом по пахнувшей типографской краской бумаге, он ещё раз внимательно прочитал объявление.

Тод Фолкнер сидел на ступеньках крыльца и, прищурившись, рассматривал толпу людей, жаждущих принять участие в состязании.

от пришедшей к ним кривой. — Что же, по-тоному, мы не в состоянии выполнять боевой приказ? А ради чего мы с тобою живём здесь в покое и довольстве, сытно едим и мягко спим, в то время когда наши товарищи...

На афише поспылились шаги: подошёл У Вэй. Шли у него подперев, Го Лин подслышал своими сомнениями. Но, к её удивлению, обычно такосторжкий, У Вэй на этот раз оказался не на её стороне.

— Сегодня Янь Шан-фан будет здесь, — сказал он. — Такой случай может не повториться.

— А что я говорю?! — с торжеством воскликнула Тан Кэ. — Штаб лучше знает, что делать!

— Для меня остаётся неясным только одно, — сказал У Вэй: — ждать ли нам прибытия товарища из центра или действовать собственными силами?

— Мы не имеем права и не должны ждать! — торжово воскликнула Тан Кэ. — При первом же удобном случае мы должны взять Янь Шан-фана.

— Вот за кого я по-настоящему боюсь — это за мать, — сказал У Вэй. — Она совсем перестала остерегаться.

— Я бы не посвящала тёткушу Ди в это дело, — заметила Го Лин. — А что она может в заплывательности сдобнуть что-нибудь в присутствии Марии.

— Мария не должна ничего почуять даже кончиком носа, — сказала Тан Кэ, искоса глядя на У Вэй.

— Тсс... — Го Лин приложила палец к губам. — Кто-то плёт. Девушки поспешно скрылись в кустах, У Вэй принялся набивать

зании. Они были хмурые, с измученными лицами люди. Их глаза с надеждой были устремлены на администратора. Скользя взглядом по толпам фигурам в потёртых, выданных, выдиждаках, куртках и блузах, Фолкнер довольно улыбался. Он положил ногу на ногу, небрежным жестом свинул фетровую шляпу на затылок и, откусив кончик сигары, спросил:

— Вы все желаете принять участие в соревновании?

— Да, босс, — ответили люди.

Фолкнер повернулся к своему помощнику, стоявшему за спиной:

— Их слышим много, Джек! Скажи им, пусть подходят по одному. Я отберу человек двадцать.

У Фолкнера был тихий, вкрадчивый голос, он видимо, не хотел напрягать свои голосовые связки и предоставлял это делать помощнику.

Джек, двухметровый верзил с низким угрюмым лбом и маленькими глазками, выплюнул изъевший комочек резинки и басом, похожим на рев бика, сказал:

— Эй, друзья! Подходите по одному!

Первым вышел из толпы высокий худощавый мужчина с непокрытой головой, на которой душил ветерок взлохматил редкие седые волосы. Фолкнер внимательно посмотрел на него.

— Не слышим ли ты пареня, пареня, для состязания на выносливость? — спросил босс, разлагая небритое, землистого цвета лицо до того тупого человека, что он напоминал живой скелет, обшитый кожей.

Человек умоляющим взглядом посмотрел на Фолкнера:

— Я уже трое суток питаюсь своим жиром и думаю, он не поменяет мне запах, первое место. — Очей! Какצוע тебя?

— Нет, Блестер.

Золотое перо автоматической ручки вписало в записную книжку имя первого участника состязания.

...

Тод Фолкнер не сомневался, что реклама сделает своё дело и «состязание на выносливость» привлечёт внимание горожан. И всё же

он не ожидал такого наплыва зрителей.

Зал был переполнен. Ни одного свободного места. Фолкнер с удовольствием отметил, что все зрители лица города, даже мэр и шериф, пришли поглядеть на затеянное им зрелище. Правда, ничего особенного они не увидят. Просто посмеяться, мужики и четыре женщины будут ходить по кругу до тех пор, пока не выбьются из сил и уйдут с арены. Самого выносливого провозгласят чемпионом, и он получит приз — 10 долларов.

«Любое пустяковое дело надо уметь преподнести, и тогда успех обеспечен», — хвастливо думал Фолкнер. — Разве плохо звучит: «состязание на выносливость»?

По арене, растянувшись печочкой, шагали кандидаты в чемпионы. Зрители ожидали увидеть что-то необыкновенное и теперь без особого интереса смотрели на «спортсменов». Многие, выража-



неудовольствие, стали было расходиться, но в это время загремел джек. Все повернули головы в сторону музыкантов.

На миниатюрную сцену вышла полураздетая женщина. Выделывая ногами замысловатые па, она запела модную песенку, и зрители остались на местах.

«Гра-та, та-та, тара-та», гре-

мел на весь зал традиционный американский фокс. Захлебываясь, попискивала флейта, ей вторили саксофон и баяно под неслыханную дробь барабанов.

И зрители не заметили, как прошёл час, другой. На арене осталась девять составившихся. Они медленно выжидали по кругу. Все оглянуло друг друга со стороны ещё несколько человек. Фолкнер внимательно следил за «спортсменами» и вычеркивал из записной книжки имена выбывших.

Когда на арене осталось всего двое, зрители начали выражать нетерпение свистом и громкими криками. Многие уже держали пари, кто быстрее сойдёт: этот долговязый с седошей головой или коротыш в клетчатом кепи? Мнения разошлись. А два человека, теперь уже еле передвигая ногами, продолжали шагать.

Фолкнер понял, что приближается кульминационный момент состязаний. Зрители страстно хотели видеть победителя и аплодировали ему. Но два «спортсмена», словно не замечая нетерпения зрителей, медленно шли плечо к плечу.

— Хелло, Джек! — крикнул Фолкнер своему помощнику. — Спусти-сь на арену и помани перед носами ребят вот этой бумажкой, — в руках Джека мелькнул десятидолларовый банкнот. — Может быть, они ускорят темп.

Джек спрыгнул на арену и, когда «спортсмены» порывались с ним, поднял вверх руку с деньгами. Тем от неожиданности остановились, глядясь в заветную бумажку. Как по команде, они устремились к Джеку, протягивая к нему трясущиеся руки. Но банкнот не приблизился: Джек тоже шагнул по арене.

— Веселей, ребята! Хватят первую премию, пока они не убежали! — забыв о своих слабых головных свистках, закричал Фолкнер. «Спортсмены» ускорили шаг. Шагала быстрее и Джек. Состязавшиеся начали бежать. Победил и Джек. Коротыш в клетчатом кепи обогнал высокого без головного убора. Зрители были в восторге.

— Жми, старина! Докажи, что не всегда длинные ноги быстрее коротких! — кричали из рядов.



Но маленький человек, пробежав ещё несколько шагов, пошатнулся и, как-то неестественно вскинув руку, упал на арену. Долговязый пробежал мимо и схватил руками остановившегося Джека.

— Дай! — с пеной у рта прокричал он. — Дай! Я выиграл премию! Джек поспешно посмотрел на Фолкнера и, увидев, что босс утвердительно кивнул головой, отдал деньги. Долговязый крепко зажал банкнот в кулаке и, обесшарило, опустился на пол.

— При присуждении победителя состязания на выносливость Неду Блестеру! — торжественно объявил Фолкнер.

На арену выбежал пожилой господин с тростью. Он наклонился над лежавшим без движения коротышом в клетчатом кепи.

— Скотина! — в ярости кричал он, размазывая руками. — Я поставил на тебя тысячу долларов, а ты позволил длинноногому обогатить себя!

Но, посмотрев в лицо маленького человека, господина с тростью замолчал и, круто повернувшись, шагнул к выходу. Его провозжал неподвижный, стеклянный взгляд: маленький человек в клетчатом кепи был мёртв.

А победитель состязания на выносливость, отдышавшись, встал и, пошатываясь, побрёл по арене. Он не слышал грохота аплодисментов, свиста и толпы толп зрителей. Его глаза не отрывались, смотрели на десятидолларовую бумажку.

Ма порывисто поднялась, но тут же снова опустилась на скамью.

— Большие не могу! — жалобно зямозлился она и быстро заговорила шёпотом: — Большие я не могу. Если бы ещё только в глазах посторонних, чтобы хоть свои знали, что это игра. А то подумай: все, решительно все свои ненавидят меня. Я больше не могу играть!

И всё-таки, — сказал У Вэй, — я должен оставаться единственным, кто знает, что это игра.

— Я не поручусь, что ещё не раскрыты полицией.

— Пока ничего угрожающего нет, — постарался успокоить её У Вэй.

— Хотя бы я знала, зачем нас послали в эту историю. Мне тоже нелегко быть здесь, когда мои товарищи воюют...

— Я боюсь за тебя больше, чем если бы ты была там, с твоими товарищами.

— Меня тут никто не знает. Никто не может донести, что и офицер, ты, Го Лин и Тан Ку — студенты, мать — учительница. Для окружающих мы те, за кого себя выдаём.

— Когда прибудет этот товарищ из штаба? — перебила его Ма.

— Мне кажется, сегодня.

— Сегодня? Как странно.

— Что странно?

— Нет, ничего... это так.

— Ты побледила...

— От духоты, — она провела по лицу платком. Он ласково сказал ей пальцы: — Чем тяжелее тебе сейчас, тем выше ты поднимешь потом голову...

(Продолжение следует)



Воспитанницы Центральной спортивной школы Московского городского отдела народного образования.
Слева направо: Люся Ватутина, Клара Никитская, Валия Сопова и Нина Васильева.
Фото М. Боташева

Евг. СИМОНОВ

ШКОЛА ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВА

По школьной лестнице, перемахивая через две ступеньки, легко побеждая высокий молодой человек, худощавый, стройный, с внимательными живыми глазами.

— Здравствуйте, — сказал он, подходя к группе девятиклассников. — Будем знакомы: Константин, Олег Вячеславович. Из юношеской спортивной школы.

— Из «Юного динамовца» или «Спартак»? — почтительно осведомился подросток в байковой рубашке.

— Ни то, ни другое. Из Центральной спортивной школы Московского городского отдела народного образования. Слыхали?..

— Слыхать-то слышали, — медленно, нехотя прошептал кто-то. — Да слава-то у нас, сами, небось, знаете, какая...

— Какая такая? — быстро обернулся Константин на голос. — Выкладывай! Напрягши выкладывай.

— Худая слава, вот какая. Занятия через час по чайной ложке, зала постоянного нет, что ни месяц, то другие тренеры...

— Знаю, — спокойно ответил Константин.

Он вынул судейскую свистку и объявил: через десять минут после уроков те, кто хотят научиться бегать, прыгать, метать копье или диск, могут собраться в спортивном зале. Он сам прикрепил в коридоре плакат, призывавший заниматься в легкоатлетической секции юношеской спортивной школы. Не пожелав забраться под пото-

лок, вывинтить лампочку поваре. Расставая в зале стойки, барьеры. И когда несколько мальчиков вошли в зал, больше из любопытства, чем с твердым желанием вступить в новую секцию, он спросил у каждого имя, фамилию и коротко скомандовал:

— Постройтесь! По порядку номеров расстаньтесь!

Его не смутило то, что весь расчёт состоял из... трёх номеров.



О. Константинов.

В светлых, весёлых глазах инструктора даже сверкнул задорный огонёк.

— Боровский, — сказал он высоким юноше, — прошу вас, открытой пошире дверь в коридор. Спасибо! А теперь, друзья, подумайте, чем бы вам хотелось заниматься

ся. Ведь лёгкая атлетика — это бег, прыжки, метание, ходьба. Начнем сегодня, как это делают все спортсмены, от новичка до мастера, с разминки. Надо разогреть мышцы, подготовить их к работе.

И под любительными взглядами толпившихся у дверей одноклассников ученики пробежали вдоль зала и вместе с Константиновым прыгали вперёд, из стороны в сторону. Во время минутной паузы он подошёл к дверям, что-то сказал, и несколько юношей, войдя в зал, присоединились к занимающимся. День спустя, когда после расчёта последний сделал, как полагаются, шаг вперёд, он навалил себя: «Пятнадцать!», а через неделю это было уже «сороковой».

Эти часы «открытых дверей» Константинов проводил интересно и разнообразно. Разминались и марились силами. Бегали вприпрыжку и слушали его рассказы о лёгкой атлетике, едва ли не самом древнем из всех видов спорта.

Так обходил он школу за школой, пока не сформировалась то ядро, с которым можно было начать настоящие занятия.

Минувшей осенью Константинов мог привести итоги пяти лет, прошедших с того памятного сорок шестого года, когда ещё, демобилизованный после контузии офицера, назначили на должность старшего тренера школы.

Пять лет назад... Ни одного сколько-нибудь подготовленного юношеского спортсмена. Секция, действующая в летние месяцы и замирающая на всю зиму. Впрочем, и

летом её ученики неизменно занимали последние места.

А теперь... Триста юношей и девушек, не только овладевшие спортивными азами, грамотой, но все до одного получившие разряды. Сто установленных ими рекордов. И последний спортивный сезон, пятидесятого года, когда стало очевидно, что команда школы горюно не имеет в Москве соперников...

...Зад, длинный, вытянутый, окаймлённый беговой дорожкой, заполняется молодёжью. Тренер занимает место в центре. Гулкий удар палки, и заставший на мгновение строй приподнимается в прыжке. Удары следуют всё чаще, перемены ритмов и движений всё неожиданней. Ускорения сменяются подскоками, прыжками со скакалкой.

Молодёжь давно уже разбавилась по группам. И по соседству с пятидесятилетними восьмиклассниками усердно занимаются студенты Эдуард Боровский и Нина Тюркина, входящие в состав сборной команды страны. Они, как и Вера Чертова, Елена Горчакова, представляют старшее поколение школы. Это четвертные, хотя самому старшему из них не более двадцати лет. Они выступают за коллективы ЦДСА, «Науки» и других спортивных организаций, но по сей день не расстаются с тем, кто вводит их в мир большого спорта.



Быстрее всех пробегал 100 метров
З. Боровский.

Они-то хорошо помнят, как рождённая школа. В конце первого учебного сезона Олег Вячеславович собрал их на стадионе и, прежде чем начать разговор, внимательно оглядел своих питомцев... Как они вытянулись, возмужали за лето! Как стоял голый и хмурым, дорожки размокшие, просеки опустели. Сезон закончен.

— А ведь неохота расставаться до весны? — вопросительно сказал Олег Вячеславович.

— Ещё как неохота!

— А будете думать зимой?

— Непременно!

— И сами будем и других ещё пригнём.

Хорошо. Договорились. Попробуем продлить сезон на весь год. Думаю, что получится.

Переломным оказался зима и лето сорок восьмого года, когда он мог записать: «Выиграно трофеи, установлено семь мировых рекордов, выиграны на общее второе место».

— Теперь-то вы, надеюсь, удовлетворены? — сказали ему в горно, пожимая руку.

— Не охота. Посмотрите сами: заработали три «бублика» — три пудовых очка по тем видам, где нам ещё некого выставить. Вечером он входит в зал.

Куйбиц — поднимает он выжистого конюшу, — вчера не успели поговорить. Давай потолкуем.

— Вот мои последние кинограммы, — развешивает перед ним киноленту. — А вот без чемпионов СССР Буягичкина и Луева. Два вечера сравнивал...

— Таки выводы?

— Вило атакуя барьер. Прохожу над ним шиномок, — смеётся.

— А знаешь, почему? Потому что ты старшей во все подражать тренеру, а про свои особенности забываешь. У тебя длинные, сильные ноги, но ты их плохо используешь. Я смотрел твои тренировки. Работашь старательно, а задумяешься мало. Ни о чём не спрашиваешь. Значит, действуешь механически: двадцать подскоков, столько же прыжков и так далее. Большие вынуждены, то, что выполняешь. Думай, иди.

Он поднимает другое:

— Ты ведь учишься на зрительные картинки, Николай. Показывай, какие механизмы. Какие силы поднимают груз? Как правильно приложить их? Задумайся над этим. Набросай схему. Выбери упражнения, покажи их мне.

У него никак не проверяет домашние задания. Она учится в вечерней школе, живёт за городом, в спортивной школе бывает редко. Не бегая! Люси получила задания и торопливо — с неё совсем немного спешит — рассказывает о выполненном:

— Я разобрала свои ошибки, Олег Вячеславович. Как вы помните, в метании копья участвовала только раз: слаб был брошенный пресс. Теперь делала приседания. Третье недало колю дрова.

— Нельзя совлечь обучение к каким-нибудь восьми-десяти дням, — говорит он, собирая тренеров школы О. Константинов. — Мы обязаны дать общефизическую подготовку к большому числу самых разнообразных движений. Скажете мне, можно уверенно специализироваться в любом виде лёгкой атлетики. Кстат, о специализации. Не обидно ли, что только к 24—25 годам завершаем мы подготовку мастера. Надо ускорить этот процесс. Выглядеть пять — шесть лет.

И когда Константинов закрывает «Книгу бытия», как полустаро-польское слово живут тренеры элитных школ, они видят, что еле уловимый рубец — одна десятая секунды, считанные сантиметры — отделяет многих воспитанников школы от норм мастера. Бель недаром в первом сезоне 1950 года успешные школы установили 21 всевозможный и 47 московских рекордов.



Спортсмены Польши неизменно находятся в первых рядах молодых борцов за мир. На снимке: польские спортсмены несут плакат, призывающий к борьбе за мир.

ДОРОГАМИ ПОБЕД

На одной из широких площадей Варшавы, у памятника «Братство по оружию», воздвигнутого в знак благодарности советским воинам-освободителям, ежегодно даётся старт скоростным маршам польских физкультурников. Рослые, сильные, жизнерадостные, с гербами народной Польши на груди, они идут дорогами побед — дорогами, которыми зимой 1944—1945 года шли солдаты Советской Армии и Войска Польского.

Осенью 1950 года в этих маршах участвовали сотни тысяч юношей и девушек. Всюду, где когда-то гремели бои, где сражались с фашистами советские и польские воины, у обелисков и братских могил безмолвными героями спорта маршировали народно-демократической Польши организовывали митинги, возлагали венки.

Следуя великому примеру Советского Союза, трудящиеся новой Польши строят социализм. И в этой грандиозной стройке далеко не последнее место занимают спортивные сооружения, работа о физическом воспитании молодого поколения.

В довоенной Польше спорт был, по существу, доступен лишь самым богатым и продажным профессионалам. Почти совершенно отсутствовали спортивные сооружения, принадлежавшие народу. Широкие массы рабочей и крестьянской молодежи были лишены возможности заниматься спортом. А деятельность единственной организации того времени — «Союза рабочих спортивных объединений» — носила в основном прерывистую со стороны буржуазных клубов, со стороны правительства пассивную.

Ныне спорт стал достоянием всех трудящихся городов и деревень. Наиболее многочисленны и популярны

профессиональные спортивные объединения: «Колени» (железнодорожники), «Сталь» (машинисты и металлурги), «Вулкан» (строители), «Солнечный» (пищевиков). В одном только «Колени» спортом занимается 360 тысяч рабочих железных дорог.

Футбол — популярная народная игра. В стране насчитывается 3 700 футбольных коллективов, объединяющих 150 тысяч игроков. Звание чемпиона Польши 1950 года в классе «А» оспаривали 12 команд. Первое место заняла красавица команда «Гвардия».

Москвичам хорошо известны последние чемпионы, с успехом выступавшие в СССР. Среди них особенно выделяется Владислав Снежневский — один из сильнейших игроков Европы.

На состоявшихся в Швейцарии соревнованиях по гимнастике на первенство мира Золотую медаль чемпиона мира завоевала польская спортсменка Елена Яночич.

За последние пять лет в Польше построены десятки новых стадионов, более двух тысяч площадок и спортивных городов, открыто много водных станций и бассейнов, аэродружков, лыжных баз. Возстановлена варшавская Академия физической культуры.

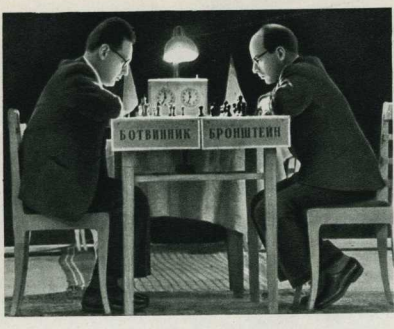
Основой физического воспитания народа в демократической Польше является введенный по примеру Советского Союза комплекс норм на зинчик «Правда да правда и обзоры» («Товар и труд и обзоры»). Сдача норм на этот значок приобрела массовый характер.

Ширится сотрудничество и связь польских физкультурников со спортсменами Советского Союза и стран народной демократии. Товарищеские встречи между советскими и польскими легкоатлетами, хоккеистами, боксерами, волейболистами, футболистами, теннисистами, баскетболистами, выступающими в большой группе советских гимнастов в Польше — всё это укрепляет дружбу между братскими народами, способствует повышению мастерства польских спортсменов.

Н. ТАРАСОВ

Мотоциклисты Варшавы на старте весенних мотогонок.





Ботвинник, играющий белыми, сделал ход. Бронштейн задумался над ответным ходом.

Фото Н. Волкова

МАТЧ НА ПЕРВЕНСТВО МИРА

Концертный зал имени Чайковского полон. В глубине эстрады громадная четырехсекционная демонстрационная шахматная доска с фигурами, обрамленная двумя го-

шведского гросмейстера Гидеона Шталлберга — и секундантов — гросмейстера Вячеслава Рагозина и мастера Александра Константинопольского.

Первый ход первой партии Ботвинник, которому выпала очередь во всех некоторых партиях матча играть белыми, делает ферзевой пешкой, продвигая ее на два поля. Бронштейн отвечает продвижением королевской пешки на одно поле.

Первые четыре партии закончились ничью. Однако ошибочно было бы рассматривать эти четыре ничьи подходы на старте матча как стремление участников к мирному исходу партии. Наоборот, все первые четыре партии проходили в напряженной, трудной борьбе, во взаимных атаках и контратаках. Оба противника проявляли несобычайную тактическую маневренность и любовь к здоровому творческому риску.

Фото Ю. Шапамова

В зале имени Чайковского на время матча открыто специальное почтово-телеграфное отделение. Отсюда во все концы страны отправляются множество корреспонденций, рассказывающих о борьбе на первенство мира. Чемпион СССР по шахматам гросмейстер П. Карс (слева) и мастер А. Тоуш посылают очерченную корреспонденцию.

Фото Н. Волкова

сударственным флагами СССР. Над доской шит с надписью: «Матч на первенство мира по шахматам». Внизу доски — большие электрические шахматные часы, на которых отсчитывается время, затраченное участниками матча на обдумывание ходов.

Каждому противнику на первые сорок ходов полагается по два с половиной часа. За минуту до истечения установленного срока на часах загорается красный заочный — тревожный сигнал, предупреждающий о том, что, если участники не сделают необходимого количества ходов, ему будет зачтено поражение.

Налито в углу сцены большой стол для судей — чехословацкого мастера Карела Ологовского и

смельному новаторству и экспериментированию в начальной стадии партии. Оба противника сознательно избегают проторенных теоретических дорожек и шаблонных схем. Вообще, говоря о допущенных в той или иной партии ошибках, о возможности выигрыша Ботвинником или Бронштейном в том или другом положении, надо помнить, что эти промахи были столь мало заметны, столь трудны для оценки, что даже гросмейстеры и мастера, разбирающие партии матча после их окончания, и те не сразу находили правильное решение! Уместно вспомнить, что еще Лев Толстой в романе «Война и мир» писал: «Хороший игрок, проигравший в шахматы, искренне убежден, что его проигрыш произошел от его ошибки, и он отыскивает эту ошибку в начале своей игры, но забывает, что в каждом его шаге в продолжение всей игры были такие же ошибки, что ни один из ходов не был совершенным. Ошибка, на которую он обращает внимание, является только потому, что противник воспользовался ею».

В пятой партии пришел конец ничьим. Ужо с первых ходов противники создали оригинальную позицию. Завязалась напряженная борьба. Над 11-м ходом Ботвинник думал 52 минуты. В дальнейшем, находясь в цейтноте, чемпион мира достиг ошущения и на 39-м ходу сдал партию.

Однако уже в следующей, шестой партии Ботвинник взял реванш, а седьмая — одержал новую победу. После этого последовали три ничьи. Одинадцатая партия протекала крайне остро и напряженно и закончилась победой Бронштейна. Двенадцатую партию, которой закончился первый половина матча, выиграл Ботвинник. Счет матча стал 6½ : 5½ в пользу чемпиона мира.

Матч вызвал огромный интерес не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Посмотрите



— Говорит Москва! — объявляет диктор. — Начнем спортивную передачу для молодежи. У микрофона гросмейстер В. Смыслов, слушайте обзор сыгранных партий...

Фото В. Горшкова



СМЕНА
В ноябре:

Виссарион Саянов — Молодость мира.
Виктор Бергес — Перомат.
Евгений Габриэлович — Огни.
Н. Агратовский — Образ вождя.
Иван Нехода — Песня про Украину.
Платон Воронько — Мои друзья.
Мих. Владимов — Здесь была граница.
Николай Шаповал — Легенда о «Правде».
Владимир Яковлевский — Каховские встречи.
В. Куприн — Молодые стелы Замбия.
Василий Ажеев — Раговор о творчестве.
К. Лавин — На одном семинаре.
Сергей Залыгин — После игры.
Николай Мизин — Эпизаватор.
Доната.
Алексей Малин — Путница.
Я. Маргулов — Новатор.
Я. Сухорук — «Мореной атлас».
Александр Поповский — У истоков наследственности.
Иван Уханов — Повесть о смелых характерах.
Борис Львов — Слово о мире.
Якин Баран.
Нин. Шаповал — Славная жизнь.
Фин.
Вячеслав Шариков — Десать долларов.
Е. Килингов — Школа Олега Константинова.
И. Тарасов — Дорогами побед.
В. Авилов — Матч на первенство мира.

На первой странице обложки: «Отстой мир» Рисунок Д. Мочальского.

На четвертой странице обложки: Борзана. Фото В. Игнатова.

Оформление номера В. Урина.



Студенты Ленинградского электротехнического института слушают по радио обзор гросмейстера В. Смыслова. На сцене шахматист второго разряда В. Слыщенко (слева) и шахматист первого разряда Л. Зидель. У прищипки — шахматист первого разряда М. Лапин.

Всё же, несмотря на громадный опыт, и Ботвинник и Бронштейн неизменно в каждой партии испытывали недостаток времени, а под конец игры попадали в сильнейший цейтнот. Исключительное знание ими шахматных начал помогает

встрече между сильнейшими гросмейстерами мира в Москву приехали шахматисты из Индии, Чехословакии, Румынии, Финляндии, Ирана, Новой Зеландии и других стран.

Международный мастер В. ПАНОВ

Редакция: В. Ажеев, Г. Гуля, Е. Домпатовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, Г. Кулик, М. Лунин, Н. Сморodin.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. 4-34-24. А — 01391. Подписано и печатно 18/IV 1951 г. Занка № 926. Тираж 120.000. Изд. № 208.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Ответственный редактор — А. Баранов.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ

Слова Л. ОШАНИНА

Музыка Б. МОКРОУСОВА

В темпе марша. Чётко

Пение

Ф-н

С ми. ро. го, за. вее. мо. го, с бы. ло. го. о. сн. тиб.

ре. наз. ва. ны. сту. ден. та. ми. мы. Ро. ди. ной. не. зря. Мы. в. на. у. жу. н. де.м,

Привет

как. в. ро. ди. мый. наш. дом, во. ро. ра. ми. ор. ли. ны. ми. го. ри. Сту. ден. ты -

не. сты. ба. е. мый. ка. ра.з, сту. ден. ты. смот. рит. ве. се. ло. впе. ред. Сту.

ден. ты, и. сла. ве. Ро. ди. на. зо. вёт. в. до. брый. час, в. до. брый. час!

С милого, заветного,
С былого сентими
Названы студентами
Мы Родины не зря.
Мы в науку идём,
Как в родимый наш дом,
Взором орлиными горим!

Припев:

Студенты — негибаемый народ,
Студенты смотрят весело вперёд.
Студенты, и слава Родина зовёт —
В добрый час, в добрый час!

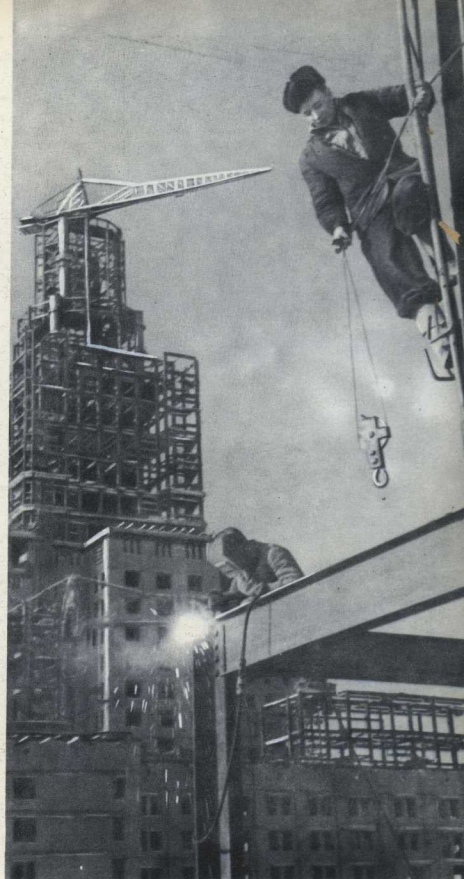
Твёрдо держим слово мы,
Всегда ему верны,
С самыми суровыми
Науками дружны.
И в соседях своих
И в друзьях молодых
Мы всегда немного влюблены.

Припев.

Дружба наша славная
Вовек не умрёт.
В жизни, братцы, главное —
Всегда идти вперёд.
Пусть в любые края
Мы уйдём, друзья! —
Расстояние дружбу не убьёт!

Припев.

Много нами пройдено
Тропинок и путей.
Эй, студент, для Родины
Ты силы не жалей!
Каждый новый шаг
Нас к победе ведёт,
Чтоб служить нам Родине скорей.
Припев.



На строительстве МГУ.

Фотоэпод А. Моклецова.

